

Виктория
РЭД ХАРТ

БОЕВАЯ
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
В АКАДЕМИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Виктория Рэд Харт

Боевая целительница в Академии

«Автор»

2026

Рэд Харт В.

Боевая целительница в Академии / В. Рэд Харт — «Автор», 2026

Она — ученица эксцентричного лекаря, поступила в элитную академию. Ей титулы и расы не важны — лечит всех, но и в обиду себя не даст. Аристократы в шоке. Ради лицензии целителя она готова на всё. В золочёных залах, где учатся драконы, эльфы и орки, её ждут интриги, ловушки, вражда с королевством, вылазки в Безумный лес и тяжёлые тренировки. Рядом — четверо мужчин: жгучий брюнет, прирождённый лидер, рыжий обаятельный маг, холодный расчётливый стратег и высокий могучий воин. У каждого свой мотив завоевать её сердце. Сможет ли она отличить искренность от расчёта? В кого влюбится? Кем станет — женой, любовницей, статусной вещью или найдёт свой уникальный путь? Первая книга трилогии. Вся трилогия планируется к выпуску в 2026 году.

© Рэд Харт В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дора и Ирма	5
Глава 2. Дерек	10
Глава 3. Крэг в кабинете ректора	13
Глава 4. Урок у Крэга	16
Глава 5. У ректора	19
Глава 6. Дерек и отравление драконов	22
Глава 7. Дерек ищет Эльзу	25
Глава 8. Суд и ректор	27
Глава 9. Ректор и шахматная доска	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктория Рэд Харт

Боевая целительница в Академии

Глава 1. Дора и Ирма

Первый день в академии кипел суетой. Первокурсники сновали туда-сюда: кто-то спешил в библиотеку, кто-то изучал корпуса, сверялся с расписанием или в последний раз проверял документы. На фоне этой оживленной картины еще более нелепо и необычно выглядела девушка, что сидела на лужайке перед главным входом в позе лотоса и медитировала. Ее каштановые волосы, убранные в хвост, доходили до самого низа спины. Она настолько выбивалась из общего антуража, что к ней, не сговариваясь, подошли две любопытные студентки.

– Привет. А что это ты делаешь? – спросили они почти хором.

Незнакомка открыла глаза, медленно перевела взгляд с одной на другую и ответила:

– Жду вас.

Первокурсницы удивленно переглянулись.

– Что?

– Привет. Меня зовут Эльза, – представилась медитировавшая.

– Я Дорана, можно Дора. Я дракон, – с гордостью сказала первая.

– А я Ирмиэль... Ирма, – чуть запинаясь, добавила вторая. – Полуэльфийка.

– Отлично, – кивнула Эльза, легко поднимаясь на ноги. – Что-то я проголодалась. Пойдемте поедим, я видела, где здесь столовая.

Девушки с любопытством смотрели на Эльзу и всё еще надеялись получить ответ на свой вопрос, возможно, поэтому последовали за ней. Пройдя направо от главного входа и мимо каменного корпуса с тремя колоннами, они завернули к столовой. Всё это время Дора и Ирма переглядывались, как бы предлагая друг другу начать диалог.

Наконец, Дора не выдержала и опять вернулась к вопросу:

– Так что же ты всё-таки делала на лужайке?

Эльза улыбнулась.

– Я пришла очень рано, всё изучила, посмотрела, сдала документы. И поняла, что для полноценного счастья мне не хватает пары подруг. Поэтому села на травку и начала медитировать на притяжение самых любознательных и интересных. И это сработало, – проговорила Эльза и засмеялась.

Девочки тоже весело захихикали, снова многозначительно переглянулись и согласились с тем, что, видимо, они и есть те самые «любознательные и интересные».

В столовой пахло невероятно аппетитно: жареным мясом, сочной кукурузой, специями и свежесваренным кофе.

Животы непроизвольно заурчали. Они взяли разные блюда на пробу и устроились за ближайшим свободным столиком, и какое-то время с удовольствием ели. Когда настроение стало прекрасным, они заговорили, как закадычные подружки. Все три девушки были уверены: если их знакомство началось так необычно, то и обучение здесь будет невероятно интересным.

В разговоре выяснилось, что Эльза – простолюдинка. Дора и Ирма удивились: в академии в основном учились отпрыски аристократических семей из всех королевств Альянса. Простолюдинка в академии – это невероятная редкость. На что Эльза лишь многозначительно обронила, что поступила по особой рекомендации.

Подруги сразу поняли: значит, Эльза обладает поистине необычным талантом и какими-то связями. Тогда ее появление здесь вполне логично.

Они уже допивали чай, когда Ирма вдруг заметно встревожилась и вся съёжилась. Эльза проследила за ее взглядом.

В столовую вальяжно вошел эльф в окружении нескольких друзей. Высокий, золотоволосый, с идеальными чертами лица – чистокровный эльф, каких поискать. Он окинул зал оценивающим взглядом, заметил Ирму и тут же направился к ним. А точнее – к ней. Его лицо выражало предвкушение, но не от еды, а от кровавого зрелища. Зловещая улыбка, огонь в глазах и нервно потираемые руки как будто говорили, что жертву он уже не отпустит.

Ирма инстинктивно вжалась в плечо Эльзы, но потом взяла себя в руки, выпрямила спину.

Парень подошел и бросил на них презрительный взгляд.

– И ты здесь, – процедил он, обращаясь к Ирме. – С твоими-то талантами. Наверное, прислуживаешь этим? – он кивнул на спутниц, но взгляд от Ирмы не отводил.

Эльза спокойно посмотрела сначала на испуганную подругу, потом на него.

– А ты что, на девушках свое эго отыгрываешь? – ее голос был тихим, но чётким. – А с сильными ребятами также разговариваешь? Или будешь лебезить?

Парень пренебрежительно оглядел Эльзу. Аккуратная легкая одежда, никаких известных ему гербов аристократов.

«Мелкая сошка», – подумал он.

– Тебя это не касается, – отрезал эльф.

– Тогда позови меня, – невозмутимо продолжила Эльза, и в голосе зазвенела сталь. – Позови посмотреть, как ты сражаешься с самым крутым парнем в академии и побеждаешь. После этого мы и поговорим о том, что кого касается и где кому место. А иначе ты тут просто тешишь свое низкое эго, как самый настоящий трус, – она сказала это максимально громко, усилив голос магией.

Теперь на них смотрели все в столовой.

Дора засмеялась. Громко, заливисто, не скрывая удовольствия.

Парень аж побледнел от ярости. Он открыл рот, чтобы ответить, но его друзья, окинув взглядом стол, вдруг резко забеспокоились. Их внимание привлекла девушка возле Эльзы, видимо, драконица, которая от возмущения ранее выпустила острые, как бритва, коготки, невольно царапая ими стол.

– Лориэн, – зашептал один из свиты, дергая его за рукав. – Не сейчас. Там драконица...

– Мы, вообще, книги забыли взять в библиотеке, – подхватил второй. – Пойдем, пока не закрылась.

Лориэн дернулся, но друзья уже тянули его прочь. Бросив злобный взгляд на Ирму, он развернулся и последовал за свитой.

– Кто это был? – спросила Эльза.

Ирма выдохнула, расслабляясь.

– Лориэн. Мы вместе учились в Лесной академии. Он... он меня там постоянно задирает.

– А, понятно, – кивнула Эльза. – Бывший обидчик. Будем знакомы.

– Ты что, собираешься с ним... – начала Ирма.

– Я собираюсь сделать его жизнь немного веселее, – фыркнула Эльза. – Не переживай.

Чуть позже из столовой вышли три девушки, болтая обо всем на свете.

Дора рассказала, что она драконица и обладает огненной магией, что вполне логично. Она из недавно присоединенного к Альянсу семи королевств Драконьего королевства, и теперь в рамках договора молодые драконы могут учиться в этой знаменитой академии.

Ирма, полуэльфийка, рассказала, что родилась и выросла среди эльфов, но ее мать человек. Она сознательно выбрала эту академию вместо чисто эльфийской. Диплом академии высоко ценится и среди людей, и среди эльфов, поэтому у нее есть больше времени выбрать, где она в будущем хочет жить – в эльфийских лесах или в человеческих городах.

Сама же академия, по словам Ирмы, оказалась удивительным местом – в хорошем смысле сборищем аристократов со всех королевств Альянса (а их было несколько: человеческие государства, эльфийские земли, драконы и орочьи кланы). Именно поэтому здесь могли учиться только очень выдающиеся личности. Девушки пока не решались напрямую спросить Эльзу о ее даре, чувствуя, что та сама расскажет, когда придет время. Вместо этого они обсудили курсы на первый год.

Система обучения была построена мудро: первый курс – общеобразовательный. Все студенты, независимо от будущей специализации, брали общие дисциплины: историю альянса и королевств, основы боевых искусств, лекарское дело, алхимию, руническую факторику, артефакторику и введение в различные школы магии. Специализация – углубленное изучение своей стихии или искусства, например, в группе огненных магов – начиналась только со второго курса. Это позволяло и получить разностороннюю подготовку, и лучше понять собственные силы.

Но самым захватывающим и пугающим, о чём шептались все первокурсники, были практические вылазки. А именно – в Безумный лес.

– Безумный лес, – с придыханием и страхом в голосе прошептала Ирма, – так он и называется. Говорят, там живут полчища монстров, и это очень опасное место.

– Оно принадлежит академии, – добавила Дора, ее глаза сузились от интереса. – Папа говорил, что там специально разводят и подселяют всяких тварей... для наших же тренировок. Чтобы мы не на одних теориях выросли.

Эльза слушала, слегка улыбаясь. Мысль о лесе, полном опасностей, казалось, не пугала, а наоборот, вызывала тихий живой интерес.

– Значит, самое интересное впереди, – заключила она, переводя взгляд с одной подруги на другую. – Нам стоит держаться вместе. Как думаете, справимся?

Вопрос повис в воздухе, посулив новые возможности в будущих испытаниях. И в глазах каждой из них читался один и тот же ответ – решительный и полный азарта.

В последующие часы Эльза успела показать подругам все важные места в академии. Постепенно жизнь вошла в русло: они заселились в общежитие, и, к радости тихой и спокойной Ирмы, комнаты Эльзы и Ирмы оказались рядом.

Через пару дней Дора, заметно смущаясь, пригласила Эльзу и Ирму на особое событие.

– После вступительных экзаменов и зачисления у нас, драконов, принято устраивать турнир первокурсников, – объяснила она, понизив голос. – Но это в основном для парней.

Она сделала паузу, подбирая слова.

– Видите ли, драконы-мужчины предпочитают учиться и сражаться в своей истинной, могучей форме. Такие девушки, как я, чаще выбирают человеческий облик для учебы – это практичнее и комфортнее для взаимодействия с другими расами. Нас, дракониц, здесь меньше. И эти бои – это не просто выяснение, кто сильнее. Для парней это шанс покрасоваться, продемонстрировать силу, ловкость и мощь. А для нас, девушек, – Дора чуть покраснела, – это возможность посмотреть на них, оценить.

Ирма широко раскрыла глаза, начиная понимать подтекст.

– То есть это что-то вроде смотрин? – спросила она.

– В каком-то смысле да, – кивнула Дора, теперь уже откровенно смущённая. – Но всё сложнее. У нас другой уклад жизни, не такой, как у эльфов или людей. Мы сражаемся стаями, так из стаи постепенно может вырасти настоящий род, необязательно связанный кровью, а дружбой, верностью и общей жизнью.

Эльза слушала внимательно, пытаясь вникнуть в незнакомые правила.

– Вожак стаи – это обычно дракон из древнего благородного рода, – продолжала Дора. – У него больше ресурсов, связей, влияния. Чем круче вожак, тем больше возможностей у тех, кто входит в его стаю. Поэтому многие мечтают прибиться к сильному вожаку.

– А те, кто не хочет? – спросила Ирма.

– Тоже есть, – кивнула Дора. – Не все стремятся войти в чужой род. Многие хотят стать вожаками сами, основать свою стаю, со временем – свой род. Но для этого нужно сначала проявить себя. Показать, что ты достоин вести за собой других.

– А девушки? – Эльза посмотрела на подружку с любопытством. – Вы тоже создаете стаи?

– Конечно, – улыбнулась Дора. – Драконницы тоже могут стать вожаками и создать свою стаю и род. Таких великих родов, основанных драконницами, целых семь. Обычно девушки из благородных родов не входят в стаю до брака, чтобы не давать свои ресурсы стае, которая не станет для них основной. В большинстве случаев девушки входят в стаю мужа. И, конечно, стая заинтересована, чтобы в нее входили сильные и умные как девушки, так и парни. Поэтому на турнире будут выступать и девушки, чтобы показать себя, закрепиться в обществе.

– А ты? – спросила Ирма.

Дора вздохнула.

– Мои родители пока не советуют мне вступать ни в одну стаю. У них другие планы на мой счёт, – она поморщилась. – Скорее всего, меня ждет договорной брак. Но вы не думайте, он обычно по согласию сторон. Драконы умеют завоевывать сердца, – улыбнулась она и продолжила почти с восторгом: – К тому же это потрясающее зрелище! Будут бои в драконьей форме среди сотни первокурсников. Дуэли и групповые сражения. От того, как дракон проявит себя на турнире, зависит его статус среди сородичей. Потом сформированные стаи будут соперничать друг с другом всё время обучения. А победитель турнира... – Дора мечтательно закатила глаза. – К нему выстроится очередь из желающих.

После обеда они отправились в колизей. Драконий колизей, как рассказала Дора, драконы специально подстроили под себя, это их основное место для сражений и тренировок. Академический корпус и общежития драконов располагались от коллизея в пешей доступности, и получался такой закрытый драконий район.

Дора сокрушалась, почему драконы так консервативны?!

Вместо того, чтобы летать над всей академией, они фактически построили свое мини-королевство, поэтому мало общаются с другими расами. Вход на территорию обозначался огромными витражными воротами, на которых было написано древними драконьими письменами «Дракос». Ворота стояли на мощёной дорожке в гордом одиночестве, ни справа, ни слева от них не было ни забора, ни ограды, только магический барьер мерцал красноватым цветом.

Колизей встретил девушек шумом. Место буквально кипело. Воздух раскалился до предела, то и дело взмывали потоки огня. Большая часть зрительских мест была переполнена парнями. Драконы в человеческой форме, но их руки и лица то и дело покрывались чешуей от восторга, волнения или раздражения от давки.

На арене же стояли полуголые парни, готовые в любой момент превратиться в драконов. Когда объявляли следующие группы сражающихся, они срывались с мест и в секунды покрывались сверкающей чешуей, раскрывая мощные крылья. Они гремели, рычали и выпускали в небо столбы пламени – больше для красоты, чем для атаки.

Дора привела девушек в женскую часть коллизея, где на скамьях для зрителей сидели драконницы в изящных платьях и красивых доспехах. Они наблюдали за происходящим с достоинством и грацией, иногда тихо перешептываясь.

Некоторые драконницы с любопытством посмотрели на спутниц Доры, но быстро потеряли интерес, потому что на арену выходили всё более сильные драконы для сражений. Молодые драконы сходились в поединках, больше похожих на сложный опасный танец. Свист рассекающего воздух хвоста, отблески пламени на сверкающей чешуе, мощные удары, от которых

защитный барьер покрывался трещинами и искрился, будто вот-вот рухнет. Каждый дракон старался проявить себя с лучшей стороны, а победители возвращались в человеческие формы и посылали хитрый взгляд и кивок какой-то из девушек.

– Смотри, этот, с синей чешуей, – шепнула Дора Ирме, указывая на крупного дракона, который ловко парировал атаку двух соперников. – Он явно один из фаворитов. Силён, но и умён, не лезет напролом.

– А они... не ранят друг друга? – тихо спросила Эльза и с некой досадой посмотрела на сияющую у себя справа эмблему целителя.

– Правила есть. До явного преимущества. Лекари дежурят там, – пояснила Дора и показала непонятно куда. Потом ее взгляд стал упорным, и она обернулась к подругам. – Я... я подумываю выйти туда сегодня.

Ирма ахнула, а Эльза подняла бровь.

– Но ты же говорила, это для парней?

– Да, в основном. Но формально запрета для девушек нет. Просто... не принято.

Дора выпрямила спину, и в ее глазах вспыхнул тот самый драконий огонь.

– Но я не хочу просто сидеть и выбирать. Я хочу заявить о себе. Показать, что я не только девушка, но и воин. Что я могу постоять за себя и достойна места в сильной стае.

Эльза улыбнулась, в ее взгляде читалось понимание и одобрение. Ирма, преодолев легкий шок, сжала кулачки.

– Тогда иди! – сказала полуэльфийка. – Мы будем болеть за тебя громче всех!

Дора улыбнулась и, сделав несколько глубоких вдохов, направилась к месту, где регистрировали участников. Эльза и Ирма остались наблюдать за сражениями.

Еще около часа дрались разные группы драконов. Час пролетел как одно мгновение. Над ареной всё еще висела взвесь пыли и пепла, смешанная с запахом драконьей крови и озона от магических разрядов. Группы сменяли одна другую, стаи демонстрировали слаженность, одиночки – силу и хитрость. Зрители на трибунах, казалось, забыли, как дышать.

И вот в небо взмыли последние участники предварительных боёв. Дора и ее соперник – белый дракон с красной полосой на крыле.

В драконьей форме Дора была стремительным видением из тёмной бронзы и пламени, переливалась на послеполуденном солнце глубокими насыщенными оттенками – от тёмной, почти черной бронзы на гребне и мощных крыльях до бирюзового на брюхе, где чешуйки казались подернутыми легкой патиной.

Она не была самой крупной, среди драконов-самцов попадались настоящие гиганты, но в ее сложении чувствовалась та особая хищная грация, которая отличает охотника от воина. Длинная шея, острые рога и глаза – два ярких изумруда, горящих решимостью и тем внутренним светом, что бывает только у истинных драконов древних кровей. Крылья с серебристыми прожилками распахнулись широко, когда она набрала высоту, а затем сложились для молниеносной атаки на противника. Она дралась яростно, но чисто. Без подлости, без грязи. И когда через несколько минут приземлилась, тяжело дыша, но победительницей, по ее броне пробежали золотистые искры, она довольно усмехнулась, даже не заметив этого.

Вот и всё. Почти все бои закончились. Оставался только финал.

Глава 2. Дерек

Дерек стоял в тени арочного прохода, ведущего на арену, снимал ремень с предплечья. Сквозь каменную толщу доносился приглушённый гул трибун, тысячи голосов сливались в единый требовательный рёв. Они ждали зрелища. Они ждали его.

Он поднял взгляд на противоположную сторону арены, где в таком же проходе застыл силуэт его противника. Дамиан Золотой. Блондин. Волосы цвета спелой пшеницы, уложенные так, будто он только что от королевского парикмахера, а не с разминки. Правильные черты лица, ослепительная улыбка, от которой у девушек на трибунах подкашивались ноги.

Со стороны – идеальный дракон: древний род, богатая семья, безупречные манеры. Все при дворе говорили, что Дамиан – гордость своего поколения.

Дерек знал правду. За сладкой улыбкой пряталась гниль. За красивыми словами – расчёт. Дамиан не дрался – он побеждал. Всегда. Любой ценой. Говорили, что на отборе в академию его соперник упал сам, без видимой причины. Говорили, что на тренировках с ним постоянно случаются «несчастные случаи». Говорили... но никто не мог доказать, «потому что он умён, потому что он всегда оставляет себе пути к отступлению».

Дерек сжал кулак. Он знал Дамиана еще до академии. Их семьи встречались на светских приёмах, на драконьих сборах, на церемониях. Дамиан всегда улыбался. Всегда говорил приятные вещи. И всегда смотрел на Дерек, как на конкурента, которого нужно убрать.

«Ты думаешь, я не видел твоего взгляда? Думаешь, я не чувствовал, как ты ищешь мои слабые места все эти годы?» – хмыкнул Дерек.

Он выбрал эту академию неслучайно. Он мог остаться в драконьих кланах, учиться у старейшин, пробиваться наверх через семейные интриги. Но он хотел другого. Дерек хотел доказать, что сила – это не титул. Не род. Не богатство.

Сила – это то, что ты сделал сам.

Каждый день. Каждый год. С тех пор, как в шесть лет Дерек впервые превратился в дракона и случайно сжёг отцовский кабинет, он совершенствовался. Отец тогда не ругался, улыбнулся и сказал: «Будешь сильным, сын. Но сила без контроля – просто пожар. Учись».

И он учился, когда другие дракончики играли в небе, он отрабатывал удары. Когда они спали, он тренировал дыхание. Когда они сплетничали, он изучал боевые техники старших.

– Дерек, дружище! – донесся через арену приторно-ласковый голос. Дамиан даже не повышал тона, магия усиливала звук. – Не бойся, я буду нежен. Всё-таки нам еще учиться вместе. Не хотелось бы тебя... сильно калечить.

Дерек промолчал. Он только сжал челюсти и вышел на свет.

Правила просты: никаких артефактов, бой до потери сознания или явного преимущества. Магия, когти, зубы, крылья – всё, что дала природа. Честный бой. Драконьи правила.

Они встретились в центре арены в человеческом облике, как того требовал ритуал. Дамиан сладко улыбался, Дерек смотрел в пустоту.

– Начали!

Трансформация произошла одновременно.

Драконы взмыли в небо, и первые секунды боя были прекрасны и страшны одновременно. Два гиганта – красный с золотыми прожилками и золотой, слепяще-жёлтый, кружили в воздухе, выискивая момент для атаки. Дамиан был немного крупнее, массивнее, но Дерек – быстрее. Он уходил от выпадов, нанося точные удары когтями по бокам противника, заставляя того рычать от злости.

– Ты, как муха, Дерек! – проревел Дамиан, выпуская струю пламени.

Дерек едва ушел, сложив крылья и камнем падая вниз, чтобы в последний момент отлететь в сторону.

– Жужжишь, жужжишь, а толку!

Дерек не отвечал. Он копил злость. Ждал момента.

И момент настал. Они сошлись в лобовой атаке – грудь в грудь, когти в когти, пасти в попытке достать горло соперника. Сила была примерно равной, но Дамиан всё же давил массой. И вдруг Дерек почувствовал резкую, обжигающую боль в правом плече, словно кто-то выстрелил раскалённым железом в плечо.

Он дернулся, потерял равновесие, и мощный удар лапой отбросил его в сторону. Он врезался в стену у самых ворот, срикошетил и рухнул на землю, поднимая тучу пыли.

Трансформация сбросила его в человеческий облик, тело само пыталось сохранить энергию, концентрируясь на выживании.

Дерек зашипел от боли и посмотрел на руку. Она висела плетью, из глубокой раны на предплечье хлестала кровь, заливая песок алым. Это не когти. Не зубы. Не магия. Рана была ровной, чистой, словно от лезвия, прошедшего сквозь чешую и плоть, будто сквозь масло. Артефакт. Сукин сын использовал артефакт.

– Вставай, вставай, вставай... – прошептал Дерек, пытаясь подняться, но встать не удалось. Боль простреливала плечо, затуманивала сознание, рука не слушалась. – Чёрт...

Трибуны гудели. Кто-то кричал, кто-то свистел. Дамиан уже приземлился в центре арены, принимая аплодисменты, которые считал своими по праву. Он даже не смотрел в сторону поверженного противника. Зачем? Победа уже в кармане.

– Дай посмотрию.

Дерек дернулся от неожиданности. Рядом присела девушка. Каштановые волосы длиной до пояса рассыпались по плечам, прикрывая лицо, но он успел заметить медовые глаза, внимательные и спокойные. Обычная форма целителя, зелёная вышивка на груди.

– Ты кто? – выдохнул он. – Уйди, опасно...

– Сейчас будет больно, – перебила она и, прежде чем Дерек успел возмутиться, схватила его за руку и с резким хрустом поставила плечо на место.

Дерек взвыл. В глазах потемнело.

– Совсем охренела?! – заорал он.

Но она уже водила ладонью над раной, и боль начала отступать. Ткани стягивались, кровь останавливалась, но не полностью. Рана осталась, но теперь она была просто глубоким порезом, а не смертельным увечьем.

– Рукой двигать сможешь, – спокойно сказала девушка, даже не взглянув на него. – Не в полную силу, но драться можно.

– Я... Спасибо... – выдохнул Дерек, пытаясь сфокусировать взгляд. – Как тебя...

Она не дала договорить. Вместо ответа она резко ударила его кулаком в солнечное сплетение – не сильно, но точно; и по телу разлилось странное тепло. Словно кто-то зажёл внутри второй костёр.

– Это даст тебе сил, – пояснила она, поднимаясь на ноги. – Минуты на три. Покажи этому индюку, где его место.

И она исчезла. Просто растворилась в толпе зрителей, хлынувших к барьеру. Дерек встал. Рука болела, но слушалась. В груди горел огонь, не его собственный, но принятый с благодарностью. Он вышел из тени ворот.

Дамиан стоял в центре арены, развернувшись к трибунам, и раскланивался, купаясь в лучах чужой славы. Он был уверен – бой окончен. Он даже не обернулся, когда Дерек шагнул на песок.

Гул трибун начал меняться. Аплодисменты стихали, вместо них нарастал какой-то другой шум. Дамиан нахмурился и обернулся. Дерек стоял на арене. Живой. На ногах. С окровавленной, но работающей рукой.

Дамиан не поверил своим глазам. Он скользнул взглядом по плечу противника – туда, куда бил артефактом. Рана была... незначительной. Так не бывает.

– Удивлен? – голос Дерека прозвучал тихо, но в наступившей тишине его слышали все.
– От твоего артефакта повреждение должно быть сильнее. Не так ли?

Трибуны взорвались возмущением и требованием расправы, и Дерек послушал их.

Трансформация Дерека была молниеносной. Никакой грации, никакого шоу – только ярость, только сила, только желание стереть эту самодовольную ухмылку с лица противника. Красный дракон взмыл в воздух и обрушился на золотого, как молния. Дамиан даже не успел взлететь. Дерек схватил его за горло и с чудовищной силой вбил в землю так, что арена содрогнулась. Песок взметнулся фонтаном, закрывая обзор, но всем было видно главное – Дерек бил. Раз за разом. Без жалости. Без пощады. Пока Дамиан не обмяк и не потерял сознание.

Арену оглушила тишина, а потом взрыв. Трибуны взвыли. Конфетти взметнулось в воздух, смешиваясь с перьями и блёстками. Фейерверки раскрасили небо всеми цветами радуги, заглушая грохотом рев толпы. Дерек стоял над поверженным противником, тяжело дыша. Человеческий облик вернулся к нему сам – сил на форму дракона уже не осталось. Он оперся рукой на колено, пытаясь отдышаться, и поднял взгляд на трибуны. Он искал ее. Ту, с каштановыми волосами. Ту, что поставила его на ноги. И нашел. Она сидела не среди целителей или обслуживающего персонала, а среди обычных студентов. Он поймал ее взгляд и кивнул чуть заметно, только для нее. Девушка улыбнулась краешком губ и кивнула в ответ.

А над ареной уже гремел голос распорядителя:

– Победитель турнира первокурсников – Дерек Фортис!

Глава 3. Крэг в кабинете ректора

Кабинет ректора Крэг не любил. Слишком светло, слишком чисто, слишком много вещей, которые нельзя трогать. Хрустальная пепельница, которую он боялся раздавить одним вздохом. Книги в тонких переплётках, рассыпающиеся от одного прикосновения. И эта проклятая фарфоровая чашка, стоящая перед ним на столе, – такая маленькая, изящная, что Крэг даже дышать в ее сторону опасался.

Он сидел на краешке стула, вжав массивные плечи, стараясь не задеть подлокотники. Стул жалобно поскрипывал, но держался. Пока.

Рядом с чашкой примостилась вазочка с конфетами. Конфеты были еще мельче. Крэг подозревал, что одной такой конфетой можно подавиться, если не заметить. А он замечал всё.

Напротив, в глубоком кресле сидел ректор Вейлон. Седой, статный, с идеальной осанкой и бородой, которую он расчесывал чаще, чем некоторые драконы чистили чешую. Сильный маг воздуха. Прошел три войны. Воспитал сотни магов, разбросанных теперь по всему королевству, и при этом выглядел так, будто только что с приёма у короля.

Сейчас Вейлон молчал. Поглаживал бороду. Смотрел куда-то в сторону окна, за которым медленно догорал закат.

Крэг ждал.

Он не умел начинать разговоры. Не умел ходить вокруг да около, намекать, подбирать слова. Орки говорили прямо или молчали. Сейчас он молчал, потому что говорить первым было не его время. Ректор позвал – ректору и говорить.

Прошла минута. Две.

Крэг начал нервничать.

«Я где-то накосячил?» – подумал он и перебрал последние события.

На прошлой неделе двое студентов после его занятия уползли в лазарет. Один с вывихом, второй с сотрясением. Но они сами виноваты – зазевались на спарринге, а расслабляться на войне нельзя. Если бы это был настоящий бой, они бы погибли.

Позавчера трое написали рапорты о переводе к другому преподавателю. Это в порядке вещей. Каждый месяц кто-то уходил. Крэг даже запомнил цифру: в среднем за год из его группы уходило около шестидесяти процентов. Те, кто оставался, становились лучшими. Те, кто уходил, просто не выдерживали. Такова правда войны.

«Может, слишком жестко? – мелькнула мысль. – Всё-таки не орков учу. Люди, эльфы... у них кости тоньше. И нервы».

Он покосился на конфеты и тяжело вздохнул.

– Крэг, – наконец, подал голос ректор.

Орк выпрямился. Стул взвизгнул.

– Скажи, ты сколько уже у нас?

– Четыре года, – голос Крэга прозвучал низко, рокочуще, почти как отдаленный гром.

– Четыре, – кивнул Вейлон. – И за эти четыре года я ни разу не вызывал тебя для разговора. Ты хороший преподаватель, Крэг. Самый жесткий, но хороший. Твои ученики... те, кто выдерживает, становятся лучшими на своих потоках. Я это ценю. Но...

– Но?.. – Крэг напрягся.

Он знал это «но». Оно всегда висело в воздухе перед неприятностями.

Вейлон помолчал, будто собираясь с духом, и, наконец, посмотрел орку прямо в глаза.

– В этом году я поставил тебя на группу новичков. Двадцать семь человек записалось на твой курс боевого мастерства. Рукопашный бой, военная тактика, полевые навыки. Всё как обычно.

Крэг кивнул. Новички так новички. Он и с новичками умел работать. Главное – сразу показать, кто тут главный, и выбить из них дурь на первом же занятии. Дальше уже легче.

– И среди этих новичков, – продолжил ректор, чуть помедлив, – есть одна студентка.

Крэг моргнул. Ну студентка и студентка. Девушки у него тоже учились, некоторые даже на равных с парнями дрались. Эльфийки тоже бывали. Слава о жестком преподавателе Крэге уже давно вышла за пределы академии и приносила не только проблемы, но и уважение.

– Она целительница, – добавил Вейлон.

Крэг замер в недоумении.

– Лекарка?

– Именно.

Орк нахмурился. Лекари не ходили на боевые курсы – это неписаное правило, почти закон. Лекари – тыл, лазарет, перевязочные. Их дело – спасать жизни, а не отнимать. Бросать обученного целителя в мясорубку ближнего боя – всё равно что топить золотые монеты в болоте. Бессмысленно и расточительно.

– Она что, с ума сошла? – спросил Крэг прямо.

– Возможно, – усмехнулся ректор. – Но дело не в этом. Из-за ее записи нам пришлось перекраивать расписание. Целительский факультет, практика в лазарете, твои занятия, остальные предметы... Совместить всё это просто невозможно, да и не нужно.

Крэг молчал, пытаясь осмыслить. Лекарка, которая лезет в бой, – это нонсенс. Это глупость. Это...

– Ты хочешь, чтобы я ее отчислил? – напрямую уточнил он.

– Я хочу, чтобы ты показал ей, что такое настоящий бой, – поправил Вейлон. – Чтобы она поняла, куда лезет. Чтобы на первом же занятии... ну, скажем так, убежала бы оттуда и больше никогда не вспоминала о военной карьере.

Крэг удивленно поднял бровь.

– А почему просто не отказать?

– Потому что сложно.

– Что значит «сложно»?

Ректор откинулся в кресле, сложил руки на животе и посмотрел на орка с выражением, мол, сейчас я скажу то, от чего у тебя глаза полезут на лоб.

– Ты слышал когда-нибудь о Фтисе Имвиче? – озадачил он.

Крэг нахмурился, перебирая в памяти. Имя вроде знакомое, но откуда – он не мог вспомнить. Орки редко интересовались человеческими лекарями. Своих шаманов хватало.

– Вроде не слышал... – протянул он неуверенно.

– Странствующий лекарь, – пояснил Вейлон. – Очень странствующий и очень... необычный. Одни говорят, что он гениальный целитель, спасший сотни жизней. Другие – что он шарлатан, который обдирает богатых до нитки, а бедных лечит почти бесплатно, но так, что они потом на него молятся. Ходят легенды, что он может вылечить то, что не берутся лечить даже лучшие маги академии.

Крэг хмыкнул. Почему-то хотелось познакомиться с этим лекарем и даже пожать ему руку.

– И при чём здесь эта лекарка?

– Она его подмастерье, – ректор вздохнул так, будто признавался в смертном грехе. – Путешествовала с ним несколько лет. Училась у него. И поступила к нам по его рекомендации.

Орк моргнул. Раз, другой. Потом до него дошло.

– То есть... она не просто лекарка?

– Она – наследница методов этого... человека, – Вейлон поморщился, подбирая слово.

– А еще у нее есть рекомендация от очень видного аристократа, перед которым у академии есть обязательства.

Крэг медленно кивнул. Картина начинала проясняться.

– Если бы я мог, – тихо добавил ректор, – я бы не пустил ее на порог. Но не могу. А теперь представь, что будет, если она, обученная этим... эксцентричным лекарем, да еще и с боевыми навыками, начнет практиковать. Я за академию боюсь.

Крэг задумался.

С одной стороны, обычная девчонка, решившая поиграть в войнушку. Таких он видел десятками. Хватало одного жесткого спарринга, чтобы они понимали: война – это не игры в благородство.

С другой стороны – если за ней стоит такой человек и если она действительно провела с ним несколько лет... может, она не так проста, как кажется?

– Как зовут? – спросил Крэг коротко.

– Эльза, – ответил ректор. – Просто Эльза. Она простолюдинка.

Орк хмыкнул.

Простолюдинка. Подмастерье эксцентричного лекаря, которую пристроил в академию какой-то аристократ. И она хочет учиться военному делу, хотя должна сидеть в тылу и лечить раненых.

– Она придет на занятие, – Крэг поднялся, и стул издал предсмертный хрип, но выдержал. – Я покажу ей войну.

Ректор с облегчением выдохнул.

– Только... будь с ней осторожнее, – добавил он, когда орк уже направился к двери.

Крэг обернулся.

– В каком смысле?

– В прямом. Если с ней что-то случится, Фтис Имвич может... заинтересоваться нами. А я не хочу, чтобы этот человек проявлял ко мне интерес. Ни малейшего повода не давай!

Крэг прищурился.

– Ты его боишься?

Ректор молчал. Долго. Очень долго для мага его уровня и статуса.

– Я достаточно стар и мудр, – сказал он наконец, – чтобы бояться тех, кого не понимаю. А Фтиса Имвича не понимает вообще никто.

Крэг кивнул и вышел, стараясь не задеть косяк плечом. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

В коридоре он остановился, задумчиво глядя в стену.

«Эльза, – подумал он. – Просто Эльза. Посмотрим, что ты за зверь».

Глава 4. Урок у Крэга

Крэг стоял перед строем и молча разглядывал новобранцев.

Двадцать семь человек. Первый курс. Элита. Все как один – аристократы, получившие лучшее домашнее образование. Каждый с детства тренировался с личными наставниками, каждому пророчили великое будущее.

В начале шеренги замерли парни. Крупные, широкоплечие, с квадратными челюстями и уверенными взглядами. Боевые маги, мечники, копейщики – каждый чувствовал свою силу и не сомневался в ней.

В середине – две девушки. Огневичка с рыжими волосами, вся поджарая, как хищница. Ледовичка с белыми волосами, холодная, надменная. Тоже бойцы. Тоже аристократки. Тоже знают себе цену.

И одна...

Крэг прищурился.

В самом конце стояла девушка. Невысокая – рядом с соседями-парнями казалась почти миниатюрной, но не хрупкой. В ней чувствовался внутренний стержень. Каштановые волосы, густые, собраны в высокий хвост, доходивший до самого пояса, – длина впечатляла. Медовые глаза смотрели уверенно и чуть насмешливо.

На фоне остальных она казалась... Нет, не слабее. Просто иной, будто из другого мира.

«Это она и есть, – понял Крэг. – Лекарка».

– Переключка, – рявкнул он. – Имя и специализация.

Пошло перечисление. Парни козыряли именами древних родов, титулами, достижениями. Один владел мечом с пяти лет, другой побеждал на турнирах, третий уже убил своего первого противника в честном бою. Девушки не отставали: огневичка демонстративно зажгла искру на пальце, маг льда просто назвала имя своего рода, и этого было достаточно.

Крэг кивал, запоминал, оценивал.

Дошла очередь до лекарки.

– Эльза, – голос у нее оказался тихий, ровный, но в нём чувствовалась сила. – Целитель. Тишина.

По строю пробежал легкий шепот. Кто-то удивленно поднял бровь, кто-то усмехнулся. Маг льда Фрея хохотнула. Огневичка Оливия фыркнула и переглянулась с соседом.

Крэг видел всё.

– Целитель? – переспросил он. – Ты не ошиблась дверью, девочка? Лазарет в другом корпусе.

Эльза посмотрела на него абсолютно спокойно. Медовый взгляд встретился с карими глазами орка и не дрогнул.

– Нет.

Крэг выдержал паузу. Она тоже.

«Ладно, – подумал он. – Сейчас проверим».

– Первое задание, – объявил он, прохаживаясь вдоль строя. – Бой один на один. Задача – победить. Вырубить противника, заставить сдаться, прижать так, чтобы не встал. Правила простые: никакого оружия, никаких артефактов, никакой магии выше третьего уровня. Всё остальное – можно.

Он остановился напротив рослого парня в центре. Широкие плечи, мощные руки, спокойный взгляд. Настоящий воин. Не из тех, кто кричит о своих победах, он просто их одерживает.

– Ты, – кивнул Крэг. – Имя.

– Валентин де Рош, – коротко ответил парень.

Никаких подробностей. Никакого хвастовства. Просто имя.

Крэг одобрительно хмыкнул. Такие обычно не болтают лишнего.

– Валентин, выйди в центр.

Парень вышел, размял плечи, встал в стойку. Ждал.

Крэг повернулся к строю.

– И ты.

Все замерли.

Он ткнул пальцем в конец шеренги.

– Целительница. Выходи.

Эльза вышла, не изменившись в лице. Каштановый хвост качнулся за спиной, медовые глаза всё так же спокойно смотрели на орка.

По строю снова пробежал шепот. Кто-то усмехнулся, кто-то покачал головой. Фрея скрестила руки на груди с видом ну-ну. Оливия даже не скрывала скептической улыбки.

Валентин посмотрел на Эльзу сверху вниз. Разница в росте приличная, на голову ниже его. В его взгляде не было насмешки. Только легкое недоумение.

– Серьезно? – спросил он у Крэга.

– Серьезно, – кивнул орк.

Валентин повернулся к Эльзе, чуть наклонил голову.

– Слушай, – сказал он негромко и без насмешки. – Я не буду делать тебе больно. Просто уступи, и разойдемся. Никто не осудит.

Он просто предлагал вариант, который казался разумным.

Эльза молчала. Нежная, приятная, но в этом чувствовалось что-то опасное, как в тихой воде, под которой скрывается сильное течение.

– Начали! – рявкнул Крэг.

Валентин вздохнул, сделал шаг вперед, поднимая руки в защитную стойку. Медленно. Без агрессии. Он явно собирался просто перехватить ее, если кинется, и аккуратно положить на лопатки.

Эльза сорвалась с места в то же мгновение.

Она не побежала – прыгнула, взвившись в воздух с неожиданной для ее комплекции скоростью. Каштановый хвост хлестнул по воздуху, медовые глаза сузились, и кулак – маленький, но явно знающий, куда бить, врезался точно в переносицу Валентина.

Хруст!

Кровь брызнула в стороны. Валентин охнул и, закатив глаза, рухнул на песок как подкошенный. Даже не дернулся.

Тишина.

Абсолютная. Звонящая. Мертвая.

Эльза приземлилась на ноги, поправила сбившийся хвост и отошла на пару шагов от поверженного тела. Валентин лежал на песке, из разбитого носа текла кровь, но он даже не шевелился – вырубился мгновенно.

Крэг стоял с открытым ртом.

В строю кто-то выдохнул. Кто-то выругался шепотом. Фрея опустила руки, глядя на Эльзу с изумленным выражением лица. Оливия забыла закрыть рот.

Эльза перевела взгляд на Крэга. Спокойно. Ровно. Только в медовых глазах мелькнул какой-то теплый огонек.

– Это лечить? – спросила она, кивнув на неподвижное тело Валентина. – Или следующего рядом уложить?

И она медленно повернула голову в сторону строя, посмотрела на своих однокурсников.

Все дружно сделали шаг назад. Фрея вдруг обнаружила, что шнурок развязался, и увлеченно принялась завязывать. Оливия резко заинтересовалась небом. Парни дружно уставились в землю, делая вид, что они вообще-то здесь случайно и, кажется, ошиблись занятием.

Крэг закрыл рот.

Потом открыл снова.

– Валентина в лазарет! – рявкнул он, кивнув двум остолбеневшим парням. – Остальные – десять кругов бегом. Быстро!

Строй ломанулся с места с такой скоростью, будто за ними гнались все демоны бездны. Крэг подошел к Эльзе.

Она невозмутимо подняла на него чуть насмешливый взгляд.

– Я могу идти бегать? – спросила она.

Крэг хмыкнул. Протяжно. Потом еще раз.

– Нет, – протянул он. – Ты остаешься. Будем работать.

Эльза кивнула, и впервые за всё время на ее губах мелькнула легкая, теплая улыбка.

Глава 5. У ректора

Крэг сидел на том же стуле, в той же позе, стараясь не дышать в сторону той же фарфоровой чашки. Только теперь вазочка с конфетами стояла дальше от Крэга, а ректор Вейлон смотрел на него так, будто орк только что сжёг его любимую библиотеку.

– Двадцать шесть, – голос ректора звучал пугающе спокойно. – Двадцать шесть заявлений на перевод с твоего курса, Крэг. За один день.

Крэг молчал.

– Ты понимаешь, что это значит? – Вейлон пододвинул к нему стопку бумаг. – Вот они. Красивые, с гербами, с подписями родителей. Двадцать шесть аристократических семей сейчас в курсе, что их драгоценные отпрыски в панике бегут с занятия боевого искусства.

Орк почесал затылок.

– Ну...

– Ну? – ректор приподнял бровь. – Я тебя просил сделать так, чтобы *одна* студентка отказалась от идеи стать бойцом. Чтобы она убежала с твоего занятия и больше не приходила. Я тебя просил об этом. Помнишь?

– Помню, – буркнул Крэг.

– И что я вижу? – Вейлон развел руками. – Она не убежала. Она единственная осталась у тебя на занятиях. А убежали *все остальные*. Двадцать шесть человек! Что ты там такого натворил?!

Крэг вздохнул. Глубоко. Так, что стул жалобно скрипнул.

– Я поставил ее в пару с Валентином де Рошем, – сказал он.

Ректор замер.

– С Валентином? С тем Валентином, который... – он не договорил.

– Который побеждал на всех юношеских турнирах последние три года, – кивнул Крэг.

– Да.

– И?..

– И она сломала ему нос с первого удара. Вырубила мгновенно.

Вейлон открыл рот. Потом закрыл. Потом открыл снова.

– Валентину де Рошу? – переспросил он. – Которого сам де Рош-старший тренировал лично? Который в двенадцать лет уложил троих взрослых мужчин?

– Ему самому, – подтвердил Крэг.

Тишина.

– А потом она спросила, – добавил орк, – лечить его или следующего рядом уложить. И посмотрела на остальных.

Вейлон медленно опустился в кресло.

– И они...

– Они сделали вид, что очень хотят бегать кросс, – закончил Крэг. – Весь строй. Двадцать пять человек, включая Фрею из рода Морозовых и Оливию из огненных магов, которая на прошлой неделе вызывала на дуэль троих старшекурсников.

Ректор закрыл лицо руками.

– Крэг...

– Я понял, – перебил орк. – Ты хотел, чтобы она ушла. Но она не ушла. И теперь у меня есть одна ученица, которая заслуживает того, чтобы ее учили.

Вейлон убрал руки от лица и посмотрел на орка долгим усталым взглядом.

– Ты понимаешь, что теперь будет? – спросил он тихо. – Двадцать шесть семей будут требовать объяснений. Родители Валентина де Роша будут в ярости. А эта девчонка... эта твоя ученица... она теперь объект всеобщего внимания. И не только хорошего.

Крэг обреченно кивнул.

– Понимаю, – буркнул он, а сам подумал: «Вот же им не повезло».

– И ты всё равно будешь ее учить?

Орк посмотрел на ректора карими глазами безо всякого сомнения.

– Буду. Она материал. Рабочий хороший материал. С таким работать можно и нужно.

Вейлон вздохнул. Потом еще раз. Потом потянулся к вазочке с конфетами, взял одну, долго смотрел на нее, словно надеялся найти там ответы на все вопросы.

Потом он мучительно выдохнул и выдал:

– Тогда бери эту девчонку в Безумный лес, – распорядился ректор.

Крэг удивленно поднял бровь.

– В лес? Сейчас? Мы же обычно после первого курса отправляем...

– Отправим всех новичков сейчас, – перебил Вейлон. – Твоих и преподавателя Стейза, как обычно. Организуем внеплановую вылазку.

Орк в недоумении молчал, переваривая информацию.

Он знал эти испытания. Боевое крещение, без которого ни один боевой маг не получал допуск к серьезным тренировкам. Каждый первокурсник отправлялся в Безумный лес в одиночку – ну, почти в одиночку. Два старшекурсника наблюдали издалека, готовые вмешаться, если дело совсем плохо. Но ввязываться в бой за новичка им запрещалось. Зверя нужно было убить самому.

Лес был поделен на зоны. Первая – самая безопасная. Если слово безопасно вообще применимо к месту, где даже трава иногда кусается. Там водилась мелочь: кровожадные кролики с острыми, как бритва, зубами; бешеные белки-летяги, способные закусать до смерти; и самая противная тварь во всём лесу – ёжик-скунс. Мерзкий, вонючий, колючий и злой, как тысяча демонов. Его даже убивать не хотели – слишком хлопотно.

Задание всегда одинаковое: убить от трёх низкоранговых тварей. За каждого зверя начислялись баллы – в зависимости от того, сколько эта добыча стоит на рынке. Кролики были самыми дешевыми. За ёжика-скунса давали побольше, но желающих охотиться именно на него находилось крайне мало.

Смысл вылазки прост и жесток: ученик должен прочувствовать страх, боль, понять, что либо он убьет, либо убьют его, а ёжик-скунс еще и опозорит. После такого боевого крещения желание учиться военному делу обычно возрастало в разы. Никто не хотел быть убитым или опозоренным в следующий раз.

– И ты хочешь отправить их сейчас? – уточнил Крэг. – Первокурсников? Внепланово?

– Хочу, – кивнул ректор.

– И, Крэг, – ректор замялся, подбирая слова, – поставь к ней самых... сложных учеников. Ну... – он покрутил в воздухе рукой, – Игнаса этого, с его нестабильным пламенем и неожиданными возгораниями. И Тарта из ледовиков. Пусть... ходят рядом. Попугают, если получится.

Крэг нахмурился.

– Ты хочешь...

– Я хочу, чтобы она увидела настоящий лес! – жестко рявкнул Вейлон. – Чтобы поняла, куда лезет со своими амбициями.

Он сделал паузу.

Тишина повисла в кабинете. Крэг смотрел на ректора. Ректор – в окно.

– А остальные? – спросил орк.

– Остальные должны вернуться с трофеями и желанием продолжать учиться у тебя, – Вейлон, наконец, повернулся к нему. – Я не подпишу их заявления до возвращения из леса.

Крэг медленно кивнул.

– Принял.

Орк вышел из кабинета ректора и неторопливо двинулся по коридору. Массивные сапоги глухо стучали по каменному полу, но Крэг не замечал ни звука, ни редких студентов, шаркавших в стороны при его приближении.

Он думал о девчонке.

Эльза.

Невысокая, с этим ее длиннющим каштановым хвостом до пояса и медовыми глазами, которые смотрели так спокойно, будто она уже всё знала наперед. Маленькая, тощая – по сравнению с ним вообще кроха. Но в момент удара в ней чувствовалась такая собранность и холодная расчетливость, что Крэг невольно хмыкнул.

«Вредить ей совсем не хочется, – подумал он. – А ведь ректор, по сути, именно этого и ждет. Чтобы она либо сломалась в лесу, либо... ну, либо не вернулась вовсе».

Крэг остановился на развилке коридоров. Направо – в тренировочный класс, где его уже ждали двадцать шесть пустых мест и одна ученица. Налево – в хозяйственный корпус, к закрытым, картам и снаряжению.

Он свернул налево.

Работы предстояло много. Целая неделя, чтобы подготовить внеплановую вылазку в Безумный лес. И всё из-за одной лекарки.

«Ладно, – мысленно усмехнулся Крэг. – Если уж она идет в лес, пусть идет подготовленной».

Первым делом – ловушки.

На кровожадных кроликов лучше всего работали силки с приманкой, но эти твари хитрые, приходилось каждый раз придумывать что-то новое. На бешеных белок-летяг – сети, желательно обработанные снотворным. На ёжиков-сунсов... ну, на них никакие ловушки не действовали. Только прямой бой и надежда, что вонь отстанет от одежды хотя бы через месяц.

Второе – карты миграции.

Безумный лес жил своей жизнью, и зверье постоянно перемещалось. Крэгу нужно было провести разведку, в какой части первой зоны сейчас относительно безопасно и при этом достаточно дичи. Чтобы новички могли выполнить задание, но не перебили друг друга в борьбе за тушки.

Третье – снаряжение.

Палатки, провизия, зелья, аптечки (даже для Эльзы, ведь количество маны лекарей обычно крайне мало), магические маячки на случай, если кто-то забредет слишком далеко.

Четвертое – старшекурсники.

Отобрать тех, кто будет присматривать за новичками. Уравновешенных, опытных, не склонных к панике. И провести инструктаж: когда вмешиваться, когда нет, как не спугнуть зверя, как эвакуировать раненого.

Пятое...

Крэг вздохнул.

Пятое, шестое и седьмое тоже были. И всё это надо успеть за неделю.

Он вошел в хозяйственный корпус, кивнул смотрителю и направился к стеллажам с картами.

Много дел навалилось. И всё из-за одной маленькой лекарки.

Но почему-то он не злился. Скорее... ему было интересно, как она справится.

Крэг развернул карту первой зоны Безумного леса и принялся за работу.

Глава 6. Дерек и отравление драконов

День Дерек не задался с самого утра, когда он проспал первое занятие. Потом оказалось – забыл домашку принести и так далее. А теперь вот это. Он еле дополз. Каждый шаг отдавался пульсирующей болью в висках, живот скручивало спазмами, а перед глазами всё плыло. Дерек оперся рукой на стену коридора, пытаясь отдышаться, но внутри всё горело. Огонь. Его собственный огонь, который всегда был послушным оружием, сейчас рвался наружу, нестабильный, дикий, опасный.

«Температура запредельная, – мелькнула мысль. – Если не остыну – спалю себя изнутри». Он толкнул дверь лазарета и замер. Здесь не протолкнуться.

Койки, койки, койки – все заняты. На каждой корчился дракон. Кто-то стонал в голос, кто-то тихо скулил, закусив губу. На стульях вдоль стен тоже сидели пациенты – бледные, потные, с трясущимися руками. Воздух спертый, тяжёлый, пропитанный потом и страхом.

Дерек узнал несколько лиц. Вот парень с его потока – всегда здоровый, румяный, а сейчас серый, как земля. Вот девушка-драконица, которая на прошлой неделе выиграла спарринг у троих парней, – сейчас она скрючилась на койке, обхватив живот.

«Отравили, – понял Дерек. – Но чем?»

Ноги подкосились. Кто-то подхватил его под руки, усадил на жесткий стул. Дерек попытался сказать спасибо, но язык не слушался. Он завалился набок и отключился.

Сознание медленно возвращалось из темноты. Сначала – тепло. Не то – жгучее внутреннее, от которого хотелось лезть на стену, а другое – ровное, почти родное. Чьи-то руки касались его груди, и вместе с этим касанием в тело втекала мягкая целебная магия. Она ощущалась знакомо, будто он уже чувствовал ее раньше.

– ...давать третью микстуру от живота по две ложки, – говорил красивый голос где-то рядом. – И следите за температурой. Если начнет зашкаливать, зовите меня.

Дерек с трудом разлепил веки. В поле зрения мелькнул каштановый хвост – длинный, почти до пояса. Девушка в форме целителя быстро прошла мимо, скрылась за ширмой.

– Выпейте, – перед ним возникла кружка с мутной жидкостью, от которой разило так, что глаза слезились. – Залпом.

Дерек послушно выпил, даже не поморщившись, не до брезгливости.

Помощница целителя забрала кружку и строго сказала:

– Лежать. Еще не оклемались.

Дерек попытался встать, но сил хватило только на то, чтобы приподняться на локте. Перед глазами снова поплыло, и он рухнул обратно.

«Ладно, – решил он. – Полежу минуту».

Из-за ширмы снова доносился тот же ровный голос, раздавал указания, уточнял симптомы, кому-то что-то объяснял.

Дерек прислушался. Ему действительно стало лучше, микстура подействовала, жар спал. Он уже хотел позвать эту девушку, чтобы спросить... да хотя бы имя узнать, как вдруг за соседней ширмой послышался громкий мучительный стон. Кому-то из драконов резко стало хуже.

Девушка-целительница быстро оказалась рядом...

– Что случилось? – спросила она. – Что ты делал? Тебе же стало легче, а теперь снова хуже.

– Ничего не делал, – простонал дракон. – Лежал... воду пил.

– Воду? Откуда вода?

– Приносили, – он мотнул головой в сторону.

Девушка повернулась к подошедшей помощнице, той самой, что поила Дерек микстурой.

– Ты приносила воду?

– Да, из общего кувшина, – испуганно ответила та. – Я сама пила оттуда, со мной всё в порядке.

Целительница взяла кружку с остатками воды, понюхала. Никакого запаха. Провела рукой над жидкостью, прикрыв глаза, магический анализ ничего не дал.

– Ничего не чувствую, – сказала она задумчиво. – Но реакция явно на воду...

И тут Дерек осенило.

– Муравка, – выдохнул он.

Девушка обернулась.

– Что?

– Муравка, – повторил Дерек, пытаясь сесть. – Трава такая. Для людей безопасна, а драконов травит. Симптомы один в один: жар, слабость, трясучка, нестабильный огонь. Мы ее давно истребили в своих землях, но здесь...

– Ты уверен? – голос девушки стал собранным, деловым.

– На все сто, – Дерек уже почти не сомневался. – Это муравка. Нас отравили муравкой.

Целительница кивнула и мгновенно развернулась к залу.

– Всем драконам! – ее успокаивающий голос разнесся по лазарету, перекрывая стоны. – Никакой воды. Никакой еды. Всё, что приносили, не трогать. Ждите указаний.

Она направилась к выходу.

– Лечение! – крикнул Дерек вдогонку. – Я не знаю, чем это лечить!

– Сейчас узнаю, – бросила она через плечо, не останавливаясь.

Дерек рванул было за ней, но сил хватило только на то, чтобы спустить ноги с койки. В глазах потемнело, пришлось схватиться за край, чтобы не рухнуть.

А целительница уже подошла к двери, взялась за ручку...

Дверь распахнулась сама.

На пороге стоял парень. Чуть поодаль в коридоре маячили еще силуэты.

– Вам чего? – голос девушки стал холодным.

– В лазарет надо, – парень попытался протиснуться внутрь.

Девушка ловко шагнула вперед, перекрывая проход своим телом, и буквально вытеснила его обратно в коридор. Дверь за ней прикрывалась, но неплотно. Дерек слышал каждое слово.

– Вы ранены? – спросила она. – Вам нужна помощь лекаря?

– Да нет, мы...

– Тогда проваливайте. Лазарет не место для здоровых.

Парни переглянулись. Тот, что стоял впереди, вдруг ухмыльнулся:

– Да мы просто посмотреть хотели. Говорят, дракончикам тут плохо. Хотим полюбоваться, как они мучаются.

– Отравленным? – переспросила девушка, и Дерек уловил в ее голосе стальные нотки. – Вы пришли поглазеть на отравленных?

– А то! – заржал кто-то из коридора. – Такое зрелище пропускать нельзя!

– Ну, так поглазейте! – воскликнула девушка.

И Дерек услышал звуки драки.

Короткие. Глухие. Быстрые.

Он вскочил, игнорируя головокружение, рванул к двери, распахнул ее...

И застыл.

На полу корчились двое парней. Один держался за живот, второй – за челюсть. Третий, тот самый, что разговаривал с девушкой, сидел на пятой точке и смотрел на нее круглыми глазами. Еще двое улепетывали по коридору, даже не оглядываясь.

Девушка стояла над поверженными, потирая локоть. Потом осторожно ощупала запястье – видно, ушибла. Потом тронула глаз, проверяя, не попали ли.

Увидев Дерёка, она лишь мельком глянула на него и снова перевела взгляд на парней.

– Валите, – велела она негромко.

Парни зашевелились, вставая. Тот, что сидел, поднялся, не сводя с нее испуганных глаз, и попятился к выходу. Остальные последовали его примеру, стараясь держаться подальше от этой ненормальной целительницы с каштановым хвостом.

Когда они скрылись за поворотом, девушка, наконец, повернулась к Дерёку.

– Тебе чего? – спросила она устало. – Лежать сказано было.

– Я... – Дерёк смотрел на нее и не мог подобрать слов. – Спасибо.

Она усмехнулась.

– Иди лежи. Разберемся с вашим отравлением.

И скрылась в соседней палате, оставив Дерёка в коридоре с ощущением, что мир только что перевернулся.

Он перевел взгляд на угол, куда удрали парни.

«Я запомнил ваши лица, – хмыкнул он. – Ох, запомнил!»

Глава 7. Дерек ищет Эльзу

Прошло почти два дня.

Драконы пошли на поправку. Всех вылечили, всех поставили на ноги. Официальная версия звучала гладко: никто не знал, что у драконов непереносимость муравки. В академию закупили партию полезных трав для обогащения питьевой воды и по незнанию добавили именно то, что нельзя. Несчастный случай. Ни к кому не прикопаешься.

Но Дерек не идиот.

Муравку истребили в драконьих землях сотни лет назад. О ней знали только историки и старейшины. Чтобы кто-то случайно добавил ее в воду – да еще в таких количествах, чтобы отравить половину драконов академии?

Случайность?

Он сжал кулаки.

А эти трое, что валялись тогда у лазарета, быстро нашли управу на лекарку. На следующий же день они подали жалобу на целительницу. Требовали исключить ее из академии, лишит права лечить, наказать и выплатить компенсацию за физический и моральный ущерб.

Сегодня – слушание.

Дерек искал ее всё утро. Оббегал целительский корпус, лазарет, столовую, библиотеку. Нигде.

И вдруг его осенило. Он рванул в дальний угол лазарета, туда, где держали самых тяжёлых, – тех, кто не мог ходить, кого привозили на носилках из Безумного леса или с тренировок Крэга. Она была там.

Сидела возле пожилого дракона с тяжёлыми переломами и что-то тихо ему говорила. Тот кивал, слушал, иногда морщился от боли, но терпел.

– Эльза, – выдохнул Дерек.

Она обернулась. И у него внутри всё оборвалось.

Левый глаз почти не открывался – заплыл так, что осталась только узкая щелка. Под глазом расплывался фиолетово-черный фингал, уходящий на скулу. Запястье, которое она тогда потирала, выглядело жутко – синюшное, опухшее, с темными разводами под кожей. А на локте красовалась большая ссадина, уже подсохшая, но всё равно неприятная.

– Ты... – Дерек не мог подобрать слов. – Ты чего здесь сидишь? Тебе в лазарет надо!

– Я в лазарете, – спокойно ответила она. – И вообще-то я здесь работаю.

– Да посмотри на себя! – он шагнул к ней, схватил за плечо, разворачивая к свету. – У тебя рука...

– Отпусти, – голос оставался ровным, но в нём появилась сталь.

Дерек отдернул руку.

– Ты хоть знаешь, что сегодня? – спросил он. – Слушание. По твоему делу. Эти трое...

– Знаю, – перебила она.

– И ты сидишь здесь?!

– А где я должна сидеть? – она посмотрела на него медовым глазом, – второй почти не открывался. – Готовить речь? Плакать в подушку? Писать жалобы?

– Ну хотя бы... – Дерек запустил руку в волосы. – Хотя бы кого-то попросить, чтобы заступился! Я, например. Я был там. Я всё видел.

Она усмехнулась. Криво, потому что губа тоже была разбита.

– И что ты скажешь? Что видел, как я избивала троих беззащитных студентов, которые пришли за помощью?

– Они не за помощью пришли! – рявкнул Дерек. – Они сами сказали, что они пришли поглазеть на муки драконов!

– Скажешь это судьям, – она пожала плечами и поморщилась от боли в запястье. – А они спросят: «Почему в рапорте написано иное? Почему трое пострадавших утверждают, что пришли за помощью, а я их избивала без причины?».

Дерек открыл рот и закрыл.

– У них на всё есть бумажки, – добавила она устало. – У них есть свидетели, которые подтвердят, что они шли в лазарет с благими намерениями. У них есть родители с деньгами и связями. А у меня... – она посмотрела на свою руку, – у меня есть это.

Дерек сжал кулаки так, что костяшки побелели.

– Я пойду с тобой, – сказал он. – Буду сидеть в первом ряду. И если эти трое хоть слово скажут против правды, я...

– Ничего, – перебила она. – Ты ничего не сделаешь. Потому что, если ввяжешься, они тебя закопают. Ты же дракон. Ты тоже пострадавший. Твое слово против их... Кто поверит?

– Но...

– Спасибо, – она вдруг улыбнулась той самой чарующей улыбкой, от которой у Дерека что-то ёкнуло внутри. – Правда. Спасибо, что пришел.

Она поднялась, осторожно придерживая больную руку.

– Тебе пора.

И проводила его к выходу. Дерек смотрел на нее и шел за ней, как прирученный, замороженный. Ему хотелось ей помочь, но чем – он пока не знал. Он смотрел на этот длинный каштановый хвост, на прямую спину, на то, как она старалась не хромать, хотя ей явно было больно наступать на правую ногу.

– Эльза, – окликнул он уже в дверях.

Она обернулась.

– Я всё равно приду. И буду сидеть. И если что...

Она кивнула.

– Знаю.

Дверь между ними закрылась. На душе Дерека заскребли кошки от гнева и бессилия.

Глава 8. Суд и ректор

Вейлон сидел в центральном кресле, обводя взглядом заполненный зал, и впервые за долгие годы не знал, что делать дальше.

Он не был молод. За его плечами три войны, десятки политических интриг, сотни сложных решений. Он привык сохранять спокойствие в любой ситуации. Но сегодня благоразумие давалось с трудом.

Скандал разразился нешуточный.

Драконы отравлены. В Академии, которая гордилась тем, что собрала под своей крышей представителей всех рас Альянса, случилось то, что могло разрушить этот хрупкий мир. Драконы не простят. Они злопамятны, как никто другой. Они запомнят каждого, кто был за них, и каждого, кто был против. И если не найти виновных или хотя бы крайних, последствия будут катастрофическими.

Но будто этого мало, появились эти трое.

Представители королевства Эльдигии. Те самые, которые громче всех кричали, что драконам не место в Альянсе. Те самые, чьи семьи столетиями враждовали с драконьими кланами. Они пришли в лазарет не за помощью, – это было ясно даже ребенку. Они хотели поглазеть на муки врагов.

И получили по заслугам.

А теперь они здесь. Сидят в первом ряду с родителями, с журналистами, с важными лицами, которые должны обеспечить нужное решение. Требуют исключить лекарку, лишить ее права лечить, наказать и выплатить компенсацию.

Вейлон посмотрел на пустое место в центре зала. Ни стула, ни скамьи – только небольшой круг, очерченный мелом. Место подсудимой.

«Они хотят устроить показательную казнь, – понял он. – Показать всем, кто поддерживает драконов, что с ними будет».

И в качестве жертвы выбрали Эльзу.

Потому что она никто. Простолюдинка. Подмастерье сумасшедшего лекаря, о котором ходят странные слухи. Ни рода, ни связей, ни денег.

Идеальная мишень.

Вейлон сжал подлокотник кресла.

«Если она проиграет, – думал он, – мы потеряем не просто студентку. Мы покажем, что в Академии правят те, у кого больше денег и связей. Что справедливость продается. Что драконы здесь чужие».

А если выиграет? Если эта девчонка с каштановыми волосами и медовыми глазами каким-то чудом выкрутится?

Вейлон усмехнулся про себя.

Тогда эти трое пожалеют, что вообще родились на свет. Драконы их не простят.

Время шло.

Эльза не появлялась.

Вейлон бросил взгляд на водяные часы в углу зала. Минута за минутой – ничего. По рядам прокатывался возмущенный гул, нарастало негодование. Люди перешептывались, кто-то демонстративно смотрел на дверь, кто-то качал головой с видом «ну надо же, такое неуважение».

Трое обвинителей сидели в первом ряду с видом победителей. Родители рядом с ними – важные, дорого одетые, с холодными улыбками на лицах. Журналисты ёрзали на скамьях, предвкушая сенсацию.

Вейлон снова сжал подлокотник.

«Где ты? – думал он. – Опоздание только ухудшит твоё положение».

– Господин ректор, – поднялся один из родителей, представитель королевства Эльдигии, – сколько можно ждать? Эта девица явно демонстрирует неуважение к суду! Предлагаю считать это признанием вины и вынести приговор заочно!

Гул одобрения прокатился по залу.

Вейлон открыл рот, чтобы ответить...

И дверь медленно, со скрипом отворилась.

Тишина упала на зал такая плотная, что стало слышно, как потрескивают кристаллы освещения. В дверях стояла Эльза.

Сгорбленная, в лохмотьях.

Вейлон даже не сразу узнал ту опрятную девушку в зелёной форме целителя, которую видел в лазарете. Одежда висела ключьями, будто её рвали в ожесточённой схватке. Она опиралась на корявую палку, больше похожую на сук, и медленно, мучительно медленно начала движение в центр зала.

Каждый шаг давался ей с видимым трудом. Она хромала так сильно, что казалось, ещё немного – и рухнет. Правая нога почти волочилась по полу. Палка жалобно стучала при каждом шаге.

Но главное было не в этом.

Вейлон смотрел на её лицо и не верил глазам.

Левый глаз – вернее, то, что от него осталось, представлял собой сплошной сине-багровый отек. Глазная щель почти полностью закрылась, осталась только узкая полоска. Под глазом расплылся чудовищный фингал, уходящий на скулу. Губа была разбита, рассечена.

Запястье, которое она прижимала к груди, выглядело ещё хуже. Сине-чёрное, опухшее до безобразия, с темными кровоподтеками. Локоть – мокнущая, страшная ссадина, явно причиняющая дикую боль.

Она шла, и люди перед ней расступались.

Само собой. Без команды. Потому что невозможно было стоять на пути у этого кошмара.

Кто-то из сердобольных зрителей попытался поддержать её под локоть – здоровый, не тот, что в кровоподтеках.

Эльза дернулась, вскрикнула пронзительно, жалобно запричитала:

– Не трогайте! Не трогайте, больно! Ой, больно-то как...

Человек отдернул руку, испуганно глядя на неё. А она продолжала свой путь. Медленно. Кряхтя. Охая.

В зале стояла мертвая тишина.

Вейлон перевел взгляд на троих обвинителей.

Лица у них были... он даже не мог подобрать слова.

Растерянность? Испуг?

Они явно не ожидали такого поворота. Один даже привстал, глядя на приближающееся нечто, и тут же сел обратно.

Родители рядом с ними побледнели. Журналисты забыли, зачем пришли, и просто смотрели.

Эльза, наконец, добралась до центра зала. Остановилась. Попыталась выпрямиться, но не смогла и осталась стоять, опираясь на палку дрожащей рукой. Подняла голову.

Один глаз – живой, медовый, спокойный, встретился со взглядом ректора.

Второй – заплывший, страшный, смотрел в сторону обвинителей, от чего становилось жутко.

– Простите за опоздание, господин ректор, – тихо сказала она, жалобно, будто из последних сил. – Я... я шла, как могла. Очень больно... очень...

И всхлипнула.

Вейлон сделал знак, и кто-то из служителей мгновенно принес стул. Эльза опустилась на него с таким стоном, что у половины зала сжались сердца.

– Спасибо, – прошептала она.

– Итак, – начал Вейлон официальным тоном. – Слушается дело о нападении на студентов Академии. Обвинение представляет королевство Эльдигия в лице троих пострадавших и их законных представителей. Обвиняемая – Эльза, студентка первого курса, временно исполняющая обязанности целителя в лазарете Академии, которая выступает на процессе в качестве своего собственного защитника. Заседание ведет и представляет судью ваш покорный слуга ректор Академии Рихарт Вейлон. Слово предоставляется обвинителям.

Один из родителей, грузный мужчина с тяжёлым взглядом, поднялся с места.

– Господин ректор, уважаемые слушатели суда! – начал он зычным голосом. – То, что произошло два дня назад, – вопиющее беззаконие! Мой сын и его друзья, первокурсники Академии, потомственные маги из древних родов, подверглись нападению со стороны этой девки!

Он ткнул пальцем в Эльзу.

– Она, не имея никакого права, набросилась на них! Избила! Унизила! Имела наглость применить силу против благородных студентов! Мы требуем сурового наказания! Исключения из Академии! Лишения права заниматься целительством! И компенсации морального ущерба!

– Именно так! – поддержал второй родитель, поднимаясь следом. – Они шли в лазарет за помощью, а получили боль и повреждения.

Вейлон поднял бровь, посмотрел на троих парней, потом на Эльзу, потом снова на парней.

– Интересно, – протянул он задумчиво. – Значит, вас трое. Боевые маги. Первокурсники, прошедшие отбор в Академию. И вас избила целитель без боевого дара?

По залу пробежали смешки.

Один из парней покраснел:

– Она не просто лекарка! Она... она ненормальная! Она дралась, как бешеная!

– Тем более, – кивнул Вейлон. – Девушка без дара, да еще и ненормальная, против троих подготовленных магов. И победила?

Смешки усиливались.

Вскинулся второй парень:

– Мы не ожидали! Она напала внезапно!

– Внезапно, – повторил Вейлон. – На троих? И вы не успели среагировать?

Тишина. Потом кто-то в зале не выдержал и фыркнул.

Граф Северный, отец одного из парней, поднялся:

– Господин ректор, что вы пытаетесь доказать? Мои сын и его товарищи – достойные маги, их готовили лучшие наставники!

Вейлон смотрел на него спокойно:

– Я пытаюсь понять, уважаемый граф. Если ваши дети – достойные маги, как они умудрились получить травмы... – он сделал паузу, оглядывая парней с ног до головы. – Или, простите, где эти травмы? Вы говорите, их избили. Покажите.

Парни переглядывались, мялись.

– Мы... мы быстро восстановились, – пробормотал один. – У нас хорошая регенерация.

Вейлон уточнил нарочито громко:

– То есть ваши раны были настолько незначительными, что вы даже не обращались к лекарям? Я правильно понял? А она, – Вейлон кивнул на Эльзу, – видимо, восстановиться не успела. Хотя прошло одинаковое время.

Эльза сидела вся в синяках и ссадинах, с разбитой губой и заплаканным глазом. Парни стояли свежие, румяные, ни царапины.

В зале нарастал гул. Кто-то уже открыто смеялся.

– Допустим. Вашу позицию я понял, – Вейлон перевел взгляд на Эльзу. – Слово предоставляется обвиняемой.

Эльза подняла голову. Посмотрела на зал. Всклинула еще раз, громче.

– Я... я не знаю, с чего начать, – голос ее дрожал. – Я просто выполняла свою работу. Лечила драконов. Их было так много, они так страдали... Я отдавала все силы, все знания, не думая о себе. Совсем не думая...

Она всхлинула.

– А потом... потом мне нужно было идти к заведующей отделением. Доложить о состоянии пациентов. Я вышла из палаты, такая уставшая, еле на ногах стояла... И тут...

Она медленно, очень медленно повернула голову к трем парням. Один глаз – медовый, спокойный – уставился на них в упор. Долго. Мучительно долго. Так, что по рядам пробежал холодок, а обвинители заметно занервничали.

– Вот эти люди, – указала Эльза, и голос ее дрогнул. – Эти люди преградили мне путь.

Она снова всхлинула.

– Они смеялись. Смеялись над мучениями драконов. Грубо вели себя, угрожали, говорили, что те, кто их лечит, – предатели. Что мы заслуживаем того же. А потом... потом они набросились на меня.

По залу прокатился вздох.

– Они били меня, – продолжала Эльза, и по щеке ее покатились слезы. – Жестоко. Хладнокровно. Они порвали мою одежду, это была моя лучшая одежда, шелковая, я берегла ее для особых случаев... и одела в тот день, потому что вся рабочая одежда уже испачкалась лекарствами и рвотой пациентов.

Она всхлинула, глядя на свою порванную одежду...

– Они повредили мои лечебные амулеты. Родовые, между прочим. Передававшиеся из поколения в поколение.

Она замолчала, уткнувшись лицом в ладони. Плечи ее вздрагивали.

– А когда они закончили... – голос ее стал тихим, почти неслышным. – Когда они ушли, я осталась лежать в коридоре. И сил на то, чтобы лечить себя, у меня не осталось. Совсем. Я всё отдала драконам. Всё до капли.

Она подняла голову, запрокинула ее к небу и вскинула руку – ту самую, с чудовищным синяком.

– Как теперь?! – воскликнула она, и голос ее эхом разнесся по залу. – Как теперь лекарям лечить больных, если нас бьют те, кто якобы пришел за помощью?! Если нас могут избить просто за то, что мы помогаем тем, кого они ненавидят?!

Она замерла в этой позе, а потом вдруг скорчилась от боли, схватившись за бок.

– Ой... ой, больно... – застонала она. – Простите... видно, ребро тоже сломали...

В зале зашумели. Кто-то из женщин уже плакал в голос.

– Да она же святая! – выкрикнул кто-то с задних рядов.

– Позор обвинителям!

Один из парней вскочил, багровый от гнева.

– Это ложь! Это она нас избивала! Она нас избивала, это мы валялись там на полу!

Эльза медленно повернула к нему голову. Посмотрела тем самым медовым глазом – спокойно, печально, чуть удивленно.

– Избивала? – переспросила она тихо. – Я одна, уставшая за целый день работы, троих боевых магов? Хрупкая девушка против троих здоровенных парней?

Она обвела взглядом обвинителей. С ног до головы. Свежие, здоровые, упитанные, с цветущим цветом лица. Ни царапины. Ни синяка. Ни ссадины.

– А где же ваши раны? – спросила она, и в голосе ее зазвенела сталь.

Парни переглянулись.

– Вы выглядите так, будто не дрались, а прошли курс омоложения, – продолжала Эльза, и теперь в ее голосе появилась насмешка. – Свеженькие, бодренькие, румяные. Может, покажете суду свои повреждения? Ушибы? Ссадины? Хотя бы царапину?

Тишина.

– Нет? – Эльза вздохнула. – А у меня – вот.

Она указала на свой глаз.

– Вот.

На разбитую губу.

– Вот.

На запястье.

– И вот.

На локоть.

– И еще спина. И нога. И, кажется, два ребра. И внутри всё болит. Или вы думаете, я сама всё это себе сделала?

Она снова всхлипнула.

– И знаете, что самое страшное? – она посмотрела прямо в глаза родителям обвинителей.

– Я больше не смогу лечить жителей Эльдигии. Никогда.

По залу прокатился изумленный ропот.

– Моя магия... – Эльза прижала руку к груди. – Она не хочет. Она чувствует ту боль, что мне причинили. Она отторгает всё, что связано с вашим королевством. Я пыталась... я правда пыталась... но ничего не выходит.

Она разрыдалась. По-настоящему, навзрыд, закрыв лицо руками.

– Я целитель! – крикнула она сквозь слёзы. – Я должна лечить всех! А теперь не могу! Из-за них! Из-за этих троих!

В зале поднялся гул. Журналисты строчили как бешеные. Кто-то выкрикивал проклятия в сторону обвинителей.

Граф Северный побагровел, встал и, смотря с нескрываемой ненавистью на Эльзу, выдал:

– Это неуважение! Ты намекаешь, что мои дети лгут? Ты никчемная простолюдинка...

Он не успел закончить, Вейлон перебил его жестким тоном:

– Это суд, граф Северный. А не базар. Ведите себя прилично. Мы сверяем факты! А факты такие: девушка вся избита. Ваши дети – целы. Они говорят, что это она их била. Она говорит, что это они били ее. Обычно в драке следы остаются на обеих сторонах. А здесь...

Вейлон развел руками, а затем продолжил, несмотря на пойманный гневный взгляд родителей обвинителей:

– Вы хотите сказать, что в Эльдигии настолько слабые маги, что их может побить человек без боевого дара? Тогда как они вообще поступили в Академию? Может, нам стоит проверить результаты их экзаменов? Устроить публичную пересдачу?

В зале нарастал одобрительный гул.

Граф Северный открыл рот, но Вейлон не дал ему слова вставить:

– Нет, я серьезно. Если ваши дети не могут защитить себя от бездарной целительницы, какой смысл им учиться на боевом факультете? Может, им перевестись на теоретический? Или на травоведение?

В зале уже откровенно хохотали.

– Это возмутительно! – крикнула мать одного из парней, вскакивая. – Вы защищаете эту... эту простолюдинку! Она вообще не имела права поднимать руку на благородных! Она должна была стоять и сносить удары, если на то пошло!

Ректор медленно перевел на нее взгляд. В зале стало тихо.

– Простите, – проговорил Вейлон очень спокойно. – Я правильно расслышал? Ваш сын и его друзья напали на девушку, а она должна была стоять и сносить удары? Потому что она ниже по рождению?

– Конечно! – вздернула подбородок женщина.

Вейлон кивнул и обратился к журналистам:

– Уважаемые господа и дамы, вы слышали? В Эльдигии принято бить простолюдинов и целителей. Принято нападать на тех, кто спасает жизни. И если целитель посмеет защищаться, он виноват, потому что простолюдин. Обязательно напишите это в статье, вдруг простолюдины Эльдигии об этом не знают.

Женщина с гневом посмотрела на Вейлона, что-то хотела сказать, но он мгновенно продолжил, уже смотря на весь зал и говоря громко, магией усилив голос:

– Я хочу напомнить нашим гостям из Эльдигии: это не Эльдигия. Это Альянс. И здесь к людям относятся иначе. Если в вашем королевстве такое отношение к собственному народу, то не стоит распространять эти порядки на Альянс. У нас ценят каждого гражданина и уж тем более ценят целителей. У нас лазарет – территория с особыми полномочиями. Любой, кто мешает целителям работать, кто нападает на персонал, – автоматически нарушитель. И да, наши целители имеют право утихомиривать буйных пациентов. Это прописано в уставе.

Граф Северный попытался вмешаться, но Вейлон громко, четко и жестко продолжил:

– Напоминаю всем присутствующим, что по уставу академии все статусы и титулы остаются за дверьми академии. Здесь нет благородных и простолюдинов. Здесь есть только студенты. Равные перед законом. Это не моя прихоть – это закон, подписанный основателями Альянса и королевства, которые эту Академию создавали. А также, – голос ректора разносился по залу, перекрывая шум, – законы Альянса и законы королевства, основавших эту Академию, гласят: каждый гражданин и каждый гость имеет право на честный и правдивый суд.

Вейлон обвел взглядом зал, посмотрел на родителей, на троих парней, на журналистов.

– Честный суд, – повторил он. – Не суд по звону монет. Не суд по громкости фамилий. Не суд по тому, кто громче орет. А суд, где правду можно проверить. Где ложь не спрячется за титулами. Где каждый может доказать свою невиновность.

Зал одобрительно загудел.

Ректор поднял руку, восстанавливая тишину:

– Уважаемые, прежде чем мы продолжим, я хочу обратиться к официальному заключению. В академии есть штатный следователь, который осматривал место происшествия и давал предварительную оценку.

Про себя же Вейлон давно знал, что следователь подкуплен эльдигийцами, ведь он читал его доклад о происшествии. Там Эльза выставлена ненормальной девушкой, которая не только напала, да еще и бежала за ними, пытаясь ранить побольнее. А парни просто пришли за медицинской помощью, ага, все втроем сразу, и, главное, даже не указывается зачем. Настолько откровенное подхалимство эльдигийцам Вейлон не хотел прощать и теперь решил вбить клин между ними, а может, и вовсе избавиться от этого подкупленного следователя.

Вейлон нашел глазами невысокого мужчину в серой форме среди слушателей дела и напрямую обратился к нему:

– Господин Рейн, вы осматривали коридор у лазарета сразу после инцидента?

– Да, господин ректор, – кивнул следователь. Взгляд у него бегающий, но держался тот уверенно.

– И каково было ваше предварительное заключение?

Следователь удивился вопросу и ответил:

– Я всё написал в докладе. Вы можете прочитать.

Но Вейлон его остановил:

– Ах да, простите. Я совсем забыл. Сегодня утром в канцелярии на ваш доклад пролили какую-то эссенцию из лаборатории. Всё расплылось, ничего не прочесть. Документ не восстановить.

Вейлон развел руками, в глазах загорелись искорки, и ректор потребовал:

– Придется вам повторить заключение устно. Прямо сейчас, при всех.

Следователь замер. В его глазах пронеслась буря эмоций и мыслей. Он старался осознать услышанное и найти причину, чтобы не выступать перед всеми, ведь сейчас в суде он явно понимал, что сторона обвинителей проигрывает, и закапывать себя с ними открыто при всех было очень опасно. Но и выступать против тоже.

Он сделал попытку отказаться.

– Я... э... – он сглотнул. – Господин ректор, может, я лучше восстановлю письменный вариант? Через час-два...

– Через час-два у нас уже будет решение суда, – спокойно ответил Вейлон. – Говорите сейчас. Что вы увидели на месте?

Следователь перевел взгляд на троих парней. Те смотрели на него в упор. Потом на их родителей. Потом на Эльзу, которая сидела вся в синяках.

Пауза затягивалась.

– Ну? Мы ждем! – Вейлон приподнял бровь и взглядом пригласил в центр зала: между обвинителями и обвиняемой.

Следователь сглотнул еще раз. Было видно, как у него на лбу выступил пот. Он брел медленно, почти так же медленно, как шла Эльза. Глаза его бегали, руки дрожали. Он глубоко вздыхал.

– Я... я осмотрел место, – неспешно начал он. – Следов серьезной драмы... то есть драки... не обнаружил.

– Не обнаружили? – переспросил Вейлон.

– Ну... то есть... – следователь замялся, – следы были. Но... э... не характерные для нападения.

– Поясните, – потребовал Вейлон.

Следователь глубоко вздохнул, понимая, что деваться некуда. Бумаги нет, показания давать при всех под запись нужно крайне осторожно. Ведь каждое слово журналисты могут использовать уже против него самого.

– Я осмотрел коридор, – сказал он уже тверже. – Там... э... скорее следы того, что кто-то кого-то удерживал. Пытался остановить. Но не бил. То есть целенаправленных ударов я не зафиксировал. Нет магических следов драки.

Он посмотрел на парней, потом быстро отвел взгляд.

– Если говорить честно... – он запнулся, но закончил: – Если говорить честно, то скорее всего эти трое молодых людей... э... не ожидали, что девушка даст отпор. Они, видимо, хотели просто... ну, поговорить. Настоять на своем... А когда она начала сопротивляться, растерялись. В их понимании это могло выглядеть как нападение. Потому что они же сильные маги, они не привыкли, чтобы им перечили. И, возможно, сами не поняли, как сильно схватили ее. От эмоций. От неожиданности.

В зале тишина.

– То есть, – медленно проговорил Вейлон, – вы хотите сказать, что они не били ее целенаправленно?

– Я... я хочу сказать, – следователь подбирал слова, – что, скорее всего, это недопонимание. Они не воспринимают свои действия как нападение. Потому что для них это было... ну, просто попытка остановить. А она восприняла как нападение. И защищалась. А они удивились, что она вообще посмела защищаться. И теперь, когда всё вышло наружу, им проще сказать «она на нас напала», чем признать, что они, трое магов, не справились с девушкой.

Граф Северный с громким выдохом опустил голову вниз, потирая лоб рукой и явно морщась от услышанного. Он сжал челюсти так, что казалось, он сейчас раскрошит свои собственные зубы.

Следователь стоял бледный, но уже не отступал, понимая, что, если сейчас соврет при всех, потом ему не отмыться.

Эльза медленно поднялась:

– То есть вы подтверждаете, что они на меня напали?

– Я подтверждаю, – следователь сглотнул, но твердо проговорил, – что следы на месте указывают скорее на то, что они пытались вас удержать, а вы вырывались. И, возможно, в процессе... ну, задевали локтями, отбивались. А они, не ожидая такого, сами попадали.

По залу прокатился гул.

Один из парней вскочил и заорал:

– Да как ты смеешь?! Тебе заплатили! Ты врешь!

– Я кладу руку на сердце и клянусь, – следователь действительно прижал руку к груди, – что говорю то, что понял из осмотра места происшествия, из ваших рассказов и слов свидетелей.

Парни замолчали.

Вейлон кивнул:

– Благодарю, господин Рейн. Можете быть свободны.

Следователь ушел, пряча глаза от родителей, но в спину ему смотрели с ненавистью все со стороны обвинителей.

Вейлон обратился к залу:

– Итак, даже официальное расследование не подтверждает версию обвинителей. Они не били? Возможно. Но они напали? Фактически – да. Пытались удержать, схватить, остановить. А когда получили отпор, обиделись. И теперь хотят наказать девушку за то, что она посмела защищаться.

Он обвел взглядом зал:

– Скажите, уважаемые, это нормально? Трое магов хватают девушку, а когда она вырывается, они бегут жаловаться, что она их побила?

В зале смеялись уже открыто, без стеснения.

Граф Северный уставился на Эльзу с нескрываемым отвращением, будто пытался убить ее сейчас. Но молчал и думал.

Эльза заметила его взгляд и всхлипнула, будто скукожившись от страха.

Парни-обвинители переглянулись со своими родителями.

Граф Северный заговорил с уважением и примирительно:

– Господин ректор... – голос его звучал спокойно, даже немного виновато. – Может, мы зря всё это затеяли, и это действительно недопонимание. Ну, погорячились. Дело молодое. Мы готовы забрать заявление. Пусть идет. Никаких претензий не имеем.

Родитель второго обвинителя кивнул и поддакнул графу:

– Да. Пусть идет. Мы не будем настаивать на наказании.

Третий тоже вторил им, видно было, что он недоволен, но понимал, пора сливаться, пока не поздно.

Вейлон медленно кивнул:

– Что ж, это разумное решение, если обвинители отзывают претензии.

Он повернулся к Эльзе, ожидая, что она сейчас вздохнет с облегчением и уйдет.

Но Эльза не двинулась, перевела полный решительности взгляд на Вейлона и вдруг выпрямилась, насколько смогла, вытирая слёзы.

– Господин ректор, – начала она твердо. – А меня кто-нибудь спросит?

В зале наступила тишина.

– Они говорят: «Заберем заявление. Пусть идет».

Эльза медленно поднялась, опираясь на палку.

– А я не хочу «просто идти». Я хочу справедливости. Я требую справедливости и честного праведного суда! Они на меня напали, – сказала она громко, на весь зал. – Они меня били. Они порвали мою одежду. Они сломали мои амулеты. А теперь, когда поняли, что проигрывают, говорят: «Пусть идет»? А как же нанесенный ими урон мне?

Граф Северный мрачно повернулся к Эльзе. Таким давящим взглядом аристократы годами учились уничтожать простолюдинов без единого слова.

Но Эльза неотрывно наблюдала за ректором.

Вейлон на мгновение замер, потом откинулся в кресле и уставился на нее с новым интересом.

– Простите, – проговорил он медленно. – Я правильно понял? Вы не принимаете их предложение?

– Нет, господин ректор, – голос Эльзы звенел, но не срывался. – Не принимаю.

По залу прокатился ропот. Кто-то ахал, кто-то перешептывался. Еще никогда простолюдинка не отказывалась от предложения аристократов разойтись по-хорошему.

– Вы понимаете, – Вейлон говорил осторожно, будто проверял лёд под ногами, – что они предлагают вам уйти без последствий? Никаких обвинений, никакого преследования. Вы свободны.

– Свободна, – Эльза кивнула и вдруг горько усмехнулась разбитыми губами. – Свободна с разбитым лицом. Свободна с покалеченной рукой. Свободна без родовых амулетов. Свободна в рваной одежде. Это вы называете свободой, господин ректор?

Она шагнула вперед, забыв про палку, и зал увидел, как сильно она хромает.

– Они хотели меня уничтожить. Они привели сюда родителей, журналистов, важных лиц. Они требовали моего исключения, моего наказания, моей смерти – почти что. А теперь, когда всё пошло не по их плану, они говорят: «Пусть идет»?

Она покачала головой:

– Нет. Так не будет. Они напали. Они били. Они ломали. И пусть отвечают. По закону. По справедливости. По-честному. Я обвиняю этих троих мужчин Этона, Сарата и Марата в нападении на целителя при исполнении его служебных обязанностей, препятствию исполнению его обязанностей, в порче имущества и унижении. Я требую возместить весь нанесенный мне ущерб.

Граф Северный не выдержал:

– Да как ты смеешь, нищесбродка?! Тебе предлагают уйти, – уходи, пока цела!

– Граф Северный! – голос Вейлона прозвучал, как удар хлыста. – Еще одно слово, и я попрошу вас покинуть зал.

Граф замолк, но смотрел на Эльзу так, будто хотел испепелить ее на месте.

Вейлон перевел долгий изучающий взгляд на Эльзу. Потом медленно кивнул.

– Хорошо, – ответил он. – Вы имеете право. По законам Альянса, если на вас напали, вы можете требовать компенсации даже в том случае, если нападавшие отзывают свои обвинения. Нападение – это не их претензия к вам. Это ваша претензия к ним.

Он обвел взглядом зал:

– И я, как ректор этой Академии, обязан обеспечить вам эту возможность.

Он сделал паузу и добавил совсем тихо, но так, что слышали все:

– Впервые за долгие годы я вижу человека, который требует справедливости, а не просто радуется, что его не убили. Это достойно уважения.

Он повернулся к секретарю:

– Записывайте. Потерпевшая сторона – Эльза, первокурсница-целитель. Обвиняемые – трое студентов Академии, представители королевства Эльдигия.

Характер обвинения – нападение на сотрудника лазарета при исполнении, нанесение тяжких телесных повреждений, порча личного имущества. Слушание продолжается. Госпожа Эльза, что они должны возместить?

Эльза глубоко вздохнула, будто скинула с плеч тяжесть. Повернувшись к залу, обвела взглядом притихших зрителей, журналистов, которые строчили как бешеные; родителей обвинителей, которые вжались в кресла.

Глядя на обвинителей, она начала загибать пальцы.

– Первое: они обязаны оплатить мне поврежденные артефакты. У меня их было три. Два родовых и один, купленный за огромные деньги у лучшего артефактора столицы. Чек я предоставляю.

Второе: моя одежда. Это был шелк ручной работы, подарок моего учителя. Она бесценна, но я готова оценить ее в разумную сумму.

Третье: лечение. Мое собственное лечение. Мне потребуются дорогие элексиры и артефакты и лечение у узких специалистов по дару, а пока я восстанавливаюсь, мне нельзя будет работать. А это отсутствие оплаты моей работы по вине нападавших. И лечение, и мою зарплату на период лечения должны оплатить.

Четвертое: моральный ущерб. За то, что я теперь не могу спокойно выходить из лазарета. За то, что боюсь темноты. За то, что каждую ночь просыпаюсь в холодном поту.

Пятое: я не обязана лечить никого из королевства Эльдигии. Никогда. Моя магия теперь отвергает ваших соотечественников, и я не в силах это изменить. Если кто-то из Эльдигии умрет без моей помощи – это будет на вашей совести.

Эльза замолчала, тяжело дыша. Всклинула. Вытерла здоровой рукой уже давно высохшие слёзы.

– И это всё? – выдохнул один из родителей с облегчением. – Мы заплатим. Мы согласны. Дело закрыто.

– Нет, – возразила Эльза тихо, и в этом «нет» было столько боли, что родитель поперхнулся.

Она подняла голову. Посмотрела на троих обвинителей по очереди. Долго. Мучительно долго. Так, что те начали ёрзать.

– Вы не поняли, – сказала она. – Каждый из вас должен заплатить. Полностью. Весь список.

– То есть... – начал второй родитель, – вы хотите, чтобы каждый из троих заплатил вам за артефакты, одежду, лечение, моральный ущерб... по отдельности?

– Да, – кивнула Эльза. – Я пострадала от каждого из них.

Она бросила взгляд на обвинителей и продолжила:

– Каждый поднял на меня руку. Разве справедливо, что они разделят плату между собой? Разве моя боль становится меньше от того, что их трое?

По залу пробежал ропот. Кто-то кивал, кто-то перешептывался.

– Но это же... это в три раза больше! – воскликнул третий родитель.

Эльза посмотрела на него. Грустно. Укоризненно. Так, что он почувствовал себя последним подлецом.

– Вы считаете деньги, – пояснила она тихо. – А я считаю дни, которые не смогу работать. Я считаю пациентов, которые не получают мою помощь. Я считаю ночи, которые не буду спать от боли и страха. Вы правда думаете, что всё это можно поделить на троих?

Она замолчала. Опустила голову. Плечи ее задрожали.

– Простите, – прошептала она. – Я не хотела... я не умею торговаться... я просто целитель ...

В зале зашумели.

Кто-то выкрикнул:

– Пусть платят! Каждый!

– Правильно!

– Нечего делить чужую боль!

Один из обвинителей вскочил:

– Мы не согласны! Это грабеж!

Эльза подняла голову. Посмотрела на него и вдруг криво улыбнулась разбитой губой, но улыбка вышла такой печальной, что у многих защемило сердце.

– Я понимаю, – сказала она. – Конечно, вы не согласны. Вы же не знаете, каково это – лежать на холодном полу и чувствовать, как уходит жизнь. Вы не знаете, каково это – смотреть на свои руки и понимать, что они больше не смогут лечить, потому что слишком повреждены. Вы не знаете, что чувствует лекарь, смотря на тяжёлого пациента, которому не может помочь. Вы не знаете, каково это – бояться выходить из лазарета.

Она вздохнула, опустила взгляд на пол, а потом, будто набравшись смелости, выпрямилась и развернулась к залу:

– Я не прошу милостыни, – голос ее был стальным, но не требовательным, а бросающим вызов. – Я прошу справедливости. Я прошу, чтобы те, кто причинил мне зло, ответили за это. Не передо мной – перед всеми вами. Перед Альянсом. Перед королем.

Она повернулась к ректору.

– Господин ректор, я взываю к вашей мудрости. Я взываю к совету старейшин Альянса. Я взываю к совести каждого, кто сидит в этом зале. Скажите, разве я прошу слишком много? Разве я прошу не того, что положено мне по праву?

В зале стояла тишина.

– Я целитель, – продолжала Эльза, и голос ее звенел. – Я не воин, не политик, не судья. Я не умею требовать, не умею угрожать, не умею торговаться. Я умею только лечить. И сейчас я прошу вас – защитите тех, кто лечит. Потому что, если сегодня они останутся безнаказанными, завтра избыют другого целителя. А послезавтра – третьего. И кто тогда будет лечить ваших детей? Ваших родителей? Вас самих?

Она замолчала, обводя взглядом всех в зале.

– Я не хочу их крови, – сказала она тихо. – Я не хочу их страданий. Я хочу только одного: чтобы они поняли, что сделали. И чтобы ответили за это. Каждый. Лично. Не в складчину, не пополам, а каждый за себя.

Она снова посмотрела на троих обвинителей.

– Я не верю на слово, – пояснила она. – Слишком часто мне говорили «извини» и забывали. Слишком часто обещали и не выполняли. Мне нужно, чтобы вы поклялись. Прямо сейчас. Перед всем залом. Что оплатите всё, что я выставлю. Что будете людьми и не нападете ни на лекаря, ни на булочницу, ни на другую девушку, что по каким-то причинам с вами не согласна. Что вы будете соблюдать законы Альянса.

Парни переглянулись. Один попытался что-то сказать, но Эльза не дала.

– Я не прошу невозможного, – прервала она мягко. – Я прошу лишь того, что велит вам ваша совесть. Если она у вас есть. Если нет... что ж, тогда пусть Альянс решит, как поступать с теми, у кого нет совести, с теми, кто не хочет следовать законам Альянса.

Тишина воцарилась в зале. Граф Северный хрустнул челюстью, еле сдерживая ярость и желание убить эту противную девчонку сейчас же.

После такой тирады как отказаться от клятвы?

Это всё равно что стать врагом Альянса. Он нервно дернул головой и, поймав на себе взгляд сына, кивнул ему, не говоря ни слова.

Первый обвинитель встал. Лицо его было серым.

– Я... я клянусь, – выдавил он. – Оплачу всё. Что скажете.

Второй поднялся следом. Его настырно подталкивал в бок его родитель.

– Я тоже. Клянусь.

Третий просто кивнул, не в силах говорить.

Но Эльза, как и весь зал, молчали и сверлили его глазами, пока он не произнес клятву.

Эльза посмотрела на них свысока.

– Спасибо. Мне жаль, что так вышло, – добавила она. – Правда жаль. Я бы лучше лечила вас, если бы вы пришли по-хорошему. Я всех лечу. Всех. Даже тех, кто меня не любит.

Зал взорвался аплодисментами.

Люди вставали с мест, хлопали, кричали «святая».

Вейлон подождал, пока аплодисменты стихнут, и поднялся из кресла. Обвел взглядом зал – притихших родителей, бледных парней, сияющих журналистов, и остановился на Эльзе. Та стояла, опираясь на палку, но старалась держаться прямо.

– Что ж, – начал он негромко, но в наступившей тишине каждое слово было слышно отчётливо. – Я хочу поблагодарить всех присутствующих за то, что стали свидетелями этого разбирательства. Оно было непростым. Оно было эмоциональным. Но главное – оно было честным.

Он сделал паузу.

– Сегодня мы увидели, как работает правда. Не та правда, которую можно купить за золото или продавить титулами. А та, которая сильнее любого оружия и любой магии. Правда, которая восторжествовала.

Он перевел взгляд на троих парней:

– Вы дали клятву. Перед этим залом. Перед Альянсом. Перед своей совестью. Вы должны ее сдерживать. Не потому, что боитесь наказания. А потому, что поняли сегодня одну простую вещь: сила не в том, чтобы бить тех, кто слабее. Сила в том, чтобы признавать свои ошибки и не повторять их.

Парни молчали, глядя в пол.

Вейлон повернулся к их родителям:

– Уважаемые представители королевства Эльдигии. Я понимаю ваше желание защитить детей. Это естественно. Но запомните: защищая их сегодня такими методами, вы делаете их только слабее. Настоящая защита – научить их отвечать за свои поступки и вести себя как люди, а не звери. Подумайте об этом.

Граф Северный смотрел в сторону, желваки ходили на скулах, но он смолчал.

Вейлон обвел взглядом зал в последний раз:

– У кого-то есть дополнения? Вопросы? Возражения?

Тишина.

– Еще раз спрашиваю: есть ли у кого-то что добавить к этому разбирательству? Кто-то хочет высказаться?

По залу пробежал легкий шумок, но никто не поднялся. Журналисты замерли с перьями наготове. Родители обвинителей вжались в кресла. Парни молчали.

Вейлон кивнул:

– В таком случае считаю разбирательство завершённым. Дело закрыто.

Он подождал секунду и добавил уже мягче, обращаясь к Эльзе:

– Вы свободны, Эльза. Идите лечитесь. И возвращайтесь в лазарет, как поправитесь, – там вас ждут пациенты. Мы все на вас надеемся.

Эльза кивнула. Она медленно, опираясь на палку, пошла к выходу.

И зал снова взорвался аплодисментами.

Люди вставали. Хлопали. Кто-то выкрикивал «Молодец!», кто-то «Лекарям слава!». Женщины вытирали слёзы. Те, кто пришел поддержать обвинителей, сидели тихо, не решаясь пикнуть.

А Эльза шла. Хромая. Разбитая. Победительница.

И только те, кто был совсем рядом, могли бы заметить, как в ее медовом глазу, том самом, который не заплыл, пляшут веселые чёртики.

Сразу за ней рванули к выходу журналисты, чтобы успеть написать сенсационные статьи. Родители обвинителей сидели как в воду опущенные, не зная, куда деваться от позора.

Вейлон откинулся в кресле, еле сдерживая улыбку.

«Фтис Имвич, – подумал он. – Ты чудовище. Ты воспитал чудовище. И я бесконечно рад, что это чудовище сегодня было на нашей стороне».

Глава 9. Ректор и шахматная доска

Вейлон сидел в кабинете и смотрел на пустой стул напротив.

Сразу после суда он пригласил Эльзу для разговора. Он ждал благодарности – в той или иной форме. Приличествующей случаю. Положенной по этикету. Хотя бы дежурного «спасибо за помощь».

Она вошла, всё еще хромя, всё еще опираясь на палку, но уже без той жалобной сторбленности, что так убедительно работала на заседании. В кабинете, при закрытых дверях она вдруг перестала быть жертвой.

Она просто села на предложенный стул и посмотрела на него. Спокойно. Внимательно. Тем самым медовым глазом, в котором час назад плясали чёртики, а теперь не плясал никто.

– Вы хотели меня видеть, господин ректор? – спросила она ровно.

Вейлон откашлялся.

– Я хотел поговорить о сегодняшнем заседании, – начал он осторожно. – Должен сказать, вы вели себя... впечатляюще. Не каждый смог бы так выстоять под давлением. Вам повезло, что я оказался на вашей стороне.

Он сделал паузу, ожидая реакции.

Эльза кивнула. Один раз. Медленно.

– Да, – ответила она. – Мне повезло, что в академии учатся такие откровенные мерзавцы.

Вейлон моргнул.

– Простите?

– Я говорю, господин ректор, – повторила Эльза всё тем же ровным тоном, – что у вас тут, похоже, с отсевом проблемы. И с экзаменами, видимо, тоже. Потому что, если трое боевых магов жалуются на то, что их избилa лекарка без боевого дара, – это не мне повезло, что вы меня защитили. Это им как-то странно повезло, что они вообще сюда поступили.

Вейлон открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

– Вы... вы считаете, что я должен был позволить их родителям вас растерзать?

– Я считаю, – Эльза чуть наклонила голову, и в этом движении вдруг мелькнуло что-то неуловимо опасное, – что вы, господин ректор, прекрасно понимали, кто прав, а кто виноват, с самого начала. Но до определенного момента вы просто наблюдали. Вы смотрели, как они меня топчут, как их родители требуют моего исключения, как подкупленный следователь мямлит про «недопонимание». И только когда стало ясно, что ветер дует в мою сторону, вы решили, что пора вмешаться.

Тишина повисла в кабинете такая же густая, как час назад в зале суда.

Вейлон смотрел на нее и чувствовал, как по спине бегут мурашки. Впервые за долгие годы – мурашки от взгляда девчонки.

– Вы... – начал он.

– Я благодарна, – перебила Эльза. – Правда. Вы могли не вмешиваться вообще. Могли позволить им меня додавить. Но вы вмешались. В самом конце. И за это – спасибо. На этом всё? – многозначительно закончила она.

– Всё, – почти машинально ответил ректор, занятый перевариванием сказанных ею слов.

Она поднялась, опираясь на палку.

– Но если вы ждете, что я сейчас упаду на колени и буду целовать вам руки за то, что вы сделали свою работу, не дождетесь. Вы ректор. Это ваша работа – следить за порядком в академии. А у вас тут, простите, бардак. Трое магов нападают на девушку среди бела дня, и никто даже не почесался, пока скандал не грянул.

Она направилась к двери, но у порога остановилась и обернулась.

– И еще, господин ректор. Я понимаю, что вы сейчас решаете, кто я для вас – союзник или враг. Не тратьте время зря. Я просто лекарь. Я лечу тех, кто приходит. Не лечу тех, кто нападает. Всё просто. И... – она пожала плечами. – Я даю сдачи, не смотря, кто стоит передо мной.

Дверь за ней закрылась тихо, но Вейлону показалось, что хлопнула она так, что стены дрогнули.

После того, как дверь за Эльзой закрылась, Вейлон еще долго сидел неподвижно.

Если бы она проиграла – вылетела бы из академии. И проблем стало бы меньше. Одной хлопотной студенткой, вечно влипающей в истории, связанной с драконами, с этим безумным лекарем... Он даже испытывал что-то похожее на облегчение при этой мысли.

Но она выиграла. Она выиграла это безнадежное дело, размазала троих эльдигийцев по стенке, заставила весь зал рукоплескать. А он, Вейлон, сидел и наблюдал, как девочка-простолюдника, подмастерье сумасшедшего лекаря, обыгрывает аристократов на их же поле.

И теперь он смотрел на ситуацию совсем иначе.

Раньше он лишь догадывался, что Эльза – фигура непростая. Теперь же видел четко: эта девушка – отдельный сильный игрок. Она может быть где угодно, действовать как угодно, и никогда не знаешь, какой ход сделает в следующую минуту.

Такой союзник нужен. Такой враг опасен.

Вейлон вызвал к себе двоих из лазарета – тех, кому доверял. Поговорил с ними о новой практикантке.

– Талант! – воскликнул первый, пожилой целитель с тридцатилетним стажем. – У нее руки чувствуют то, что другие видят только на диагностике. Я бы сказал, она уже сейчас работает на уровне дипломированного специалиста.

– Знания есть, – добавила вторая, заведующая отделением сложных случаев. – Но не классические. Она не по учебникам училась, а в поле. У нее подход... другой. Не такой, как мы привыкли. Но эффективный. Очень эффективный.

Вейлон слушал и кивал.

Талант. Знания. Опыт. Уже сейчас – уровень дипломированного лекаря.

А она только первый курс.

– Присматривайте за ней, – попросил он. – Но не слишком явно. И загружайте работой. Максимально. Пусть будет занята.

– Чтобы не лезла куда не надо? – уточнила заведующая.

– М-м... да, и чтобы мы получили от нее максимум пользы, – ответил Вейлон. – А если она будет благосклонна к нам... если займет нужную позицию...

Он не договорил, но они поняли.

Хороший лекарь – это актив. Гениальный лекарь – это стратегическое преимущество. А гениальный лекарь, который еще и боец, и тактик, и умеет выигрывать безнадежные дела...

– Идите и держите меня в курсе, – сказал он.

Вейлон усмехнулся.

– Фтис Имвич, – пробормотал он. – Чему ты ее научил?

Он встал, прошелся по кабинету, остановился у окна. Вечернее солнце золотило верхушки деревьев, студенты спешили по делам, жизнь в академии шла своим чередом.

Вейлон вернулся к столу и сел. Взгляд упал на шкатулку с шахматами.

Он открыл ее, достал фигуры. Белый хрусталь и черный хрусталь. Медленно, одну за другой, начал расставлять на доске.

Это был его старый способ думать. Не просто шахматы – карта сил в академии.

Вот пешки. Профессора, которые думают только о своей науке. Элвис, Риа, Марк, Артур – они создают фон, не участвуют в интригах, но иногда их можно сдвинуть. Белые пешки.

А вот черные пешки – те, кто встал на сторону эльдигийцев и прочих противодействующих сил. Мелкие сошки, но их много.

Вот слоны – те, кто действует хитро, ходит наискосок, ищет выгоду. Парочка таких есть и среди белых, и среди черных.

Вейлон взял белую ладью. Тяжёлую прямолинейную фигуру, которая ходит только по прямой.

– Крэг, – сказал он вслух.

Орк прибыл в академию четыре года назад по соглашению с Оркским кланом. Их просили прислать преподавателя, а они прислали легендарного генерала. Странно. Очень странно. Крэг не участвует в интригах, не лезет в политику, просто учит студентов. Но почему его прислали именно сюда? Какая у него задача от орков? Вейлон за четыре года так и не узнал.

Ладья в исходной позиции. Ждет своего хода.

Он поставил короля. Фигура, которую нужно защищать. Самого себя Вейлон считал ферзём – сильным, активным, защищающим короля. Он поставил свою белую фигуру на две клетки от белого короля.

Черный король и два черных ферзя рядом с ним – противники Альянса.

Вейлон долго смотрел на доску. На фигуры: пешку, ладью, слона.

– Эльза, – произнес он, пробуя имя на вкус. – Кто ты?

Он перебирал варианты.

Пешка? Нет, слишком сильна.

Ладья? Не – прямолинейна.

Слон? Ходит по диагонали, да, но не совсем.

Ферзь? Пока рано.

Он смотрел на доску, переводил взгляд с одной фигуры на другую, и вдруг его осенило.

– Ах ты ж, – выдохнул он. – Конечно.

Он взял одну фигуру из свободных и покрутил, и захотел поставить на доску, но остановился.

На белую сторону или на черную. Может, между?

Он поставил фигуру на середину, еще не на шахматную доску, лишь сбоку. Ведь сейчас она не принадлежала ни к одному лагерю официально.

Вейлон откинулся на спинку кресла и долго смотрел на доску.

– На чьей ты стороне, Эльза? – спросил он у тишины. – На белой? На черной? Или ты создашь свою?

Он встал, прошелся по кабинету, потом вернулся к столу и взял перо.

– Надо проверить, – сказал он себе. – Для этого нужно дать тебе пару заданий. Посмотри, как ты поступишь. Чью сторону выберешь.

Он начал быстро записывать, строчки ложились на бумагу одна за другой. План, который должен был показать истинную сущность этой странной девушки.

– Будь ты проклят, Фтис Имвич, – пробормотал Вейлон, дописывая последнюю строку. – За то, что воспитал такое чудо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.